



Дарья Донцова

Чудеса в кастрюльке

Вдова Тараканова
в мире преступных событий



ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО



Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Чудеса в кастрюльке

«ЭКСМО»

Донцова Д. А.

Чудеса в кастрюльке / Д. А. Донцова — «Эксмо», — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

Я, Виола Тараканова, не могу жить без преступлений. Притом они меня сами находят. На этот раз все началось с того, что во время моего визита у Аси Бабкиной случилось страшное горе – умерла дочь Ляля. Уснула и не проснулась. Потом от чужого несчастья меня отвлекли разные события я затопила соседей, издательство приняло к печати мой первый детектив. Я млела от счастья. И вдруг раздался звонок из больницы меня требовала к себе Ася, попавшая туда с инфарктом. От нее я узнала невероятное похоронили совсем не ее дочь, а чужого ребенка. Чтобы развестись с постылым мужем и сохранить за собой дочь, Ася согласилась на помощь соседа-врача, ее любовника. Спящую Лялю перенесли через балкон к нему, а на ее место положили труп похожей девочки, который «достал» сосед. А потом любовник Аси повесился, и Ляля пропала. Теперь именно я должна найти девочку Каково, а!

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дарья Донцова

Чудеса в кастрюльке

ГЛАВА 1

Из любой, даже самой противной и злобной свиньи можно получить хороший кусок ветчины. Этот простой вывод Ася Бабкина сделала еще в школьные годы. Знаете, как часто случается в детских коллективах – класс делится на группы, в каждой из которых имеется свой лидер. Хорошо еще, если члены разных группировок сквозь зубы здороваются друг с другом, чаще всего они стараются поддеть того, кто не принадлежит к их «стае».

Во всяком случае, в моем 8-м «Б» это было именно так. Когда красавица Оля Лапшина на экзамене по математике начала тонуть, Вера Корсакова с милой улыбкой передала заклитой подруге шпору. Глупая Олька решила, что ей протягивают руку дружбы, и без тени сомнения перекачала решенную задачу. Результат всех ошеломил: двойка и путевка в ПТУ. Родителям Ольги стоило больших нервов и денег уговорить директрису перевести свою девочку в девятый класс. Сами понимаете, что два года, пока они продолжали учиться вместе, Ольга и Верка не здоровались, а клеветы Лапшиной гадили подругам Корсаковой изо всех сил. В ход шло все: доносы учителям, подкладывание дохлых мышей в портфель, порча пальто и драки.

Я дружила с Лапшиной, но жила в одном дворе с Веркой, и последняя не упускала случая, чтобы мне напакостить. Когда Верка утянула мой портфель, а потом сбросила его с чердака на тротуар, я обозлилась и довольно сильно побила ее. Через полчаса на пороге нашей квартиры возникли Анна Львовна Корсакова и участковый.

– Эта дрянь изуродовала мою дочку! – завопила соседка.

Вышедшая на шум Раиса мигом отбила мяч.

– Да твоя дрянь у ней сумку сперла.

– Молчи, пьяница!

– А ты ... подзаборная, – не растерялась моя мачеха.

Анна Львовна очень гордилась своим особым положением в нашем дворе. Основная часть местных мужчин работала на заводе и поколачивала своих жен. А Геннадий Филиппович был самый настоящий полковник и, на удивление всем вокруг, трезвенник. Дом у Корсаковых ломился от хрусталя и ковров, мимо скамеечки во дворе, где жаловалась подружкам очередная жертва мужниной «любви», Анна Львовна проходила с гордо поднятой головой, а если кто-нибудь при ней случайно говорил слово «жопа», дама ужасалась:

– Как вы можете так выражаться!

Но, ворвавшись к нам в квартиру, Анна Львовна неожиданно отбросила в сторону хорошее воспитание. Стоило моей мачехе начать ругаться, как мадам Корсакова разинула в ответ рот и, блестя безукоризненно сделанными коронками, дала достойный отпор Раисе. Я наблюдала за сценой с квадратными глазами. Оказывается, чопорная Анна Львовна знает не только про жопу!

Теперь вам понятно, отчего до сих пор, даже став взрослыми женщинами, мы с Веркой, столкнувшись в магазине, стараемся побыстрее разбежаться в разные стороны. Правда, сейчас здороваемся, а в школьные годы проходили друг мимо друга с каменными лицами.

К чему я вспомнила ту давнюю ссору? А к тому, что Аська Бабкина ухитрилась сохранить хорошие отношения не только со мной, но и с Верой. Ася пила чай у нас на кухне, а Раиса, умильно приговаривая: «Ешь больше, экая ты тощая», – подкладывала ей на тарелку блинчики.

Но, с другой стороны, Бабкину приглашали к Корсаковым. Самое интересное, что все знали про Аськин редкостный конформизм, но никто не обижался. Любую другую девочку

из нашей «стаи», посмевающую бы просто поздороваться с Веркой, ждал бойкот и колотушки, но Бабкиной все сходило с рук. Каким образом она ухитрилась так себя поставить, мне было совершенно непонятно.

Дальше больше. Злобная географичка Марианна Лазаревна, лепившая двойки даже тем, кто просто не успевал до звонка вынуть из портфеля тетрадь, услышав от Аськи: «Мы вчера ключ от квартиры потеряли, и я не сделала домашнее задание», – хитро улыбнулась и погрозила пальцем:

– Ну, Бабкина, фантазерша. Ладно, принесешь на следующее занятие.

Умение общаться с людьми Аська не растеряла и в зрелые годы. Ее всегда хвалило начальство, коллеги по работе обожали, а бывшая свекровь превратилась в лучшую подругу. Кстати, первый муж Бабкиной до сих пор ходит к ней в гости и никогда не отказывается присмотреть за двухлетней Лялькой, когда Аське требуется отойти вечером по делам. При этом учтите: Андрей не отец Ляльки. Второй супруг Аськи, Сергей, – вполне благополучный компьютерщик, работает чуть не сутками в какой-то конторе, стремясь обеспечить жене и дочери счастливую жизнь.

В общем, Аська Бабкина редкая личность, ухитрившаяся за всю свою жизнь ни разу ни с кем не поругаться. Представьте теперь мое удивление, когда сегодня утром Ася позвонила и чуть ли не со слезами в голосе сказала:

– Вилка, умоляю, приезжай!

– Случилось что-то? – испугалась я.

– Ага, – буркнула Аська, – целая телега неприятностей.

Естественно, я подхватила и понеслась к подруге.

Живет Ася в хорошем месте, возле метро «Сокол». В двух шагах от ее квартиры шумит никогда не засыпающий Ленинградский проспект. Честно говоря, я не слишком понимаю, отчего переименовав «колыбель революции» в Санкт-Петербург, власти оставили все остальные названия? Следовало проявить последовательность и переименовать Ленинградский проспект в Санкт-Петербургский.

Аськина квартира находится на втором этаже «сталинского» дома из серого кирпича. Мне ее апартаменты очень нравятся: много комнат, километровые коридоры, чуланчики, эркеры. Единственное, что вызывает раздражение, это тесно натканные балконы. При желании можно легко перебраться с одного на другой, что, согласитесь, в наше время опасно. Мало ли какие криминальные личности обитают рядом.

Но Аське и тут повезло. Величавое здание увешано со всех сторон мемориальными досками. Когда-то здесь селили только высшее армейское руководство, и местные жители зовут дом «генеральским». Огромный, словно корабль, он стоит буквой «п», на первом этаже расположена куча магазинов. Одним словом, лакомое местечко для недавно разбогатевших субъектов. Когда в нашей стране начался период дикого накопления капитала, Аська очень боялась, что вдовы генералов и маршалов распродадут свои квартиры и престижный уголок с интеллигентными соседями превратится в отстойник. Но, как ни странно, почти никто из старых жильцов не двинулся с места, и в Асином подъезде все осталось по-прежнему. Тут до сих пор стоят фикусы в деревянных кадках, лежат довольно потрепанные ковровые дорожки и сидят древние старухи-лифтерши.

Впрочем, я никогда не пользуюсь подъемником, приходя к Бабкиной. Во-первых, она живет на втором этаже, а во-вторых, кабина скользит внутри проволочной клетки, открывать и закрывать двери надо самой, и мне элементарно страшно – слишком хлипким кажется сооружение. К слову сказать, квартира принадлежит бывшей свекрови Аси, Розалии Никитичне, но пожилая дама давно прописала сюда невестку и считает ее дочерью. Развод с Андреем, а потом женитьба с Сергеем абсолютно не изменили взаимоотношений Аси теперь уже с бывшей свекровью. Пока Розалия Никитична была на ногах, она помогала Аське, как могла: гото-

вила обеды и носилась на молочную кухню, чтобы молодая мать могла выспаться. У Аськи не было молока, и Лялька росла «искусственницей». Впрочем, сей факт не отразился на младенце. Сейчас Ляля ходит в детский садик, это розовощекий, радостный бутуз, больше всего любящий покушать.

Устроившись на огромной, кокетливо обставленной кухне и получив чашку изумительного кофе, я спросила:

– Что стряслось?

Аська плюхнулась на соседний стул.

– Прикинь, меня выживают с работы!

Я поперхнулась арабикой:

– Тебя?!

– Именно!

– За что?

– Вопрос следует задать по-другому. Почему?

– Ну и?

– Все очень просто, – пожала плечами Ася, – сама знаешь, я закончила полиграфический и работала редактором, потом стали, словно грибы после дождя, вырастать рекламные агентства, ну я и начала карьеру пиарщика, между прочим, жутко интересное дело, да и зарплата привлекательная, тысяча баксов на дороге не валяется.

Я кивнула:

– Это точно.

– Все было хорошо до недавнего времени, – вздохнула Аська, – умение ладить с людьми...

– Мама! – заорала Лялька. – Мама! Мика!

– Куда подевался этот мишка! – воскликнула Аська и выскочила в коридор.

Я налила себе еще кофе и отрезала кусок изумительно вкусного лимонного пирога. Бабушкина великолепно готовит. Встречаются такие женщины, которые из куска жилистого, старого мяса стряпают восхитительное второе, я же мигом порчу даже свежайшую вырезку.

– Вот хитрюга, – засмеялась вернувшаяся Ася, – их в садике в час дня спать укладывают, так она там великолепно дрыхнет до четырех. Дома же в выходные не уложить. Сидит в кровати и ноет.

– Выпусти ребенка, пусть бегает, – сказала я.

Ася покачала головой:

– Ну уж нет. Сейчас всего полтретьего. Режим надо соблюдать. Не хочет спать, пусть книжки глядит, но в кроватке. Главное – режим.

Я не стала спорить, у нас с Олегом детей нет, и я не могу служить авторитетом в вопросах воспитания.

Аська снова шлепнулась на стул и продолжила рассказ. Ничего удивительного она не сообщила, странно было только то, что эта история приключилась с ней, с женщиной, которая всегда умела манипулировать людьми.

Несколько месяцев назад в Аськином отделе сменился начальник. На смену интеллигентному Вячеславу Марковичу явился тридцатилетний парень, наглый выскочка и хам. А еще через пару недель Ася с изумлением поняла: ее выживают. Гадкий юноша бегал к вышестоящему руководству и регулярно капал хозяину агентства на мозги: Бабушкина непрофессионал, она не имеет специального образования, плохо знает компьютер, слабо владеет английским...

Определенная правда в его словах была. У Аськи диплом полиграфического института по специальности редактор. Но в то время, когда она училась, ни о рекламе, ни о пиаре никто в нашей стране слухом не слыхивал. С компьютером у нее полное взаимопонимание, а вот с английским швах, как говорится, «читаю со словарем». Но в отделе имелись люди с такими же

анкетными данными, и Аська искренне недоумевала, отчего новый начальник взялся именно за нее.

Затем на работе появилась стажерка Катенька, и Николай Петрович вновь забежал по кабинетам, правда, на этот раз с восхищенными панегириками. Катя – великолепный специалист, учится на пятом курсе института рекламы и менеджмента, следовательно, завершает специальное образование, два иностранных языка, привлекательная внешность... Одним словом, гоните Асю Бабкину в зашей, берите на службу Катюшу.

Думаю, что многие из вас не раз сталкивались с подобными ситуациями. Многие, но не Аська, привыкшая быть со всеми в дружбе.

В пятницу она не выдержала и, разрыдавшись, кинулась в туалет. За ней бросилась Галка Леонидова. Найдя Бабкину судорожно всхлипывающей у раковины, Галя сказала:

– Плюнь и разотри.

– Хорошо тебе говорить, – шмыгнула носом Ася, – прямо поедом ест! Главное, никак не пойму, за что?

Леонидова всплеснула руками.

– Ну ты даешь! Да всем вокруг известно: Катенька спит с Колькой, он свою любовницу хочет сюда на постоянный оклад пристроить.

– Почему на мое место? – только и сумела спросить ошарашенная Ася.

– Так ты больше всех получаешь, – пояснила Галя, – у нас по восемьсот в конвертике, а тебе целую тысячу дают!

Мы с Аськой принялись обсуждать, как поступить. Пару раз из коридора доносилось слабое: «Сюнечка», – и подруга бежала на зов.

Это Розалия Никитична, пережившая два инсульта, подзывала Аську. Бабкина с улыбкой подает старухе судно. Если ей и противно выполнять сию процедуру, то никто об этом не знает. Бывшая свекровь лежит на кружевных, хрустящих от крахмала простынях, и Ася не забывает приготовить для нее любимые вареники с творогом.

Мы перебрали множество сценариев поведения и пришли к неутешительному выводу: Аське следует искать другое место работы, Николай ее непременно выживет.

Приняв решение, Бабкина повеселела и, глянув на часы, воскликнула:

– Гляди-ка, уже поздно, а Лялька дрыхнет, неладно вышло!

– Вот родители какие, вечно им все не так, – улыбнулась я, – не спит – плохо, заснула – еще хуже.

– Да пойми ты, – рассердилась Аська, – у нас режим! Ребенок должен приучиться все делать в свое время, иначе потом начнет укладываться в час ночи, и ничего хорошего не получится. Посиди спокойно, пойду ее разбужу.

Она ушла, а я осталась допивать десятую по счету чашечку кофе. Наверное, я ничего не смыслю в детях, хотя и живу в одной квартире вместе со своей лучшей подругой Тamarочкой и ее новорожденным сыном Никиткой¹. Но мне всегда казалось, что человеческий организм не машина. Иной раз кусок в горло не лезет, а в другой день ешь без остановки, то же и со сном. То валишься с ног от усталости около восьми вечера, а то кукуешь до полтретьего, листая давно прочитанную книгу. Ну как может маленький ребенок всегда вести себя одинаково!

Мой супруг Олег Куприн служит в милиции. Как-то раз он сказал мне:

– Знаешь, что самое неприятное в тюрьме и на зоне?

– Ну, – призадумалась я, – дедовщина, наверное, хотя это в армии. В лагере она есть?

Олег мрачно сказал:

¹ История семьи Виолы Таракановой, обстоятельства, при которых она вышла замуж, описаны в книгах Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», «Три мешка хитростей», «Чудовище без красавицы», вышедших в издательстве «ЭКСМО-Пресс». (Прим. автора.)

– Есть, только называется по-иному. Но хуже всего невозможность ни на секунду остаться одному и необходимость регулировать свои естественные надобности по приказу.

– Это как? – не поняла я.

– Спать, есть и ходить в туалет не тогда, когда хочется, а когда начальству угодно, – пояснил Олег.

Так зачем создавать двухлетнему ребенку лагерные условия? Ну почему Аська понеслась будить мирно спящую Ляльку? Сама проснется, ляжет потом попозже. Только в этом-то все дело. Аське захочется вечером попить спокойно чай с Сережкой, а не возиться с шаловливой Лялькой. Отсюда и режим: когда Ляля укладывается в девять спать – у супругов впереди целый свободный вечер. Так что забота о детском режиме на самом деле...

– Помогите! – понесся по квартире крик, больше похожий на вой. – Помогите!..

Звук летел из детской. Чуть не упав на повороте, я понеслась по узкому бесконечному коридору.

– Помогите... – несло мне навстречу, – ну кто-нибудь...

Распахнув рывком дверь, я увидела Асю, держащую на руках Лялю. Ребенок лежал, откинув голову.

– Она не просыпается, – сказала Ася, – открой скорей балкон.

Я распахнула дверь. Холодный ноябрьский воздух ворвался внутрь. Ася выскочила наружу.

– Лялечка, открой глазки, Ляленька...

Но девочка продолжала безвольно висеть. Несмотря на ощутимый холод, ее бледная кожа не покрылась мурашками. Я повнимательней посмотрела на круглое личико и схватилась за стену. Лялечка, не мигая, смотрела куда-то вдаль. Маленький рот приоткрылся, нос вытянулся.

– Ляля!!! – заорала Ася. – Ляля!!!

На соседний балкон выглянул мужчина. Я достаточно хорошо знаю этого дядьку. Зовут его смешным именем Ежи, и он квалифицированный кардиолог. Когда у Олега начались неприятности с давлением, Ежи живо подобрал ему препараты, которые поставили моего мужа на ноги. Его необычное имя сочетается со смешным отчеством, и, на мой взгляд, он немного комично представляется: Ежи Варфоломеевич. Правда, мне, наверное, не следует посмеиваться над чужими именами, поскольку у самой в паспорте записано: Виола Ленинидовна Тараканова.

Ежи мигом оценил обстановку, перескочил на наш балкон и, втолкнув Асю в комнату, приказал мне:

– Налей ей воды.

События понеслись, словно скорый поезд на зеленый свет. Невесть откуда появился Сережа и принялся обнимать жену. Потом появился врач, отчего-то только один. Всех посторонних, включая родителей, выпихнули в коридор. Мы с Сережей привалились к косяку и стали вслушиваться в непонятные звуки, доносившиеся из детской.

– Сюнечка, – донеслось из коридора, – поди сюда.

Словно сомнамбула, Ася двинулась на зов.

– Пойди сядь в гостиной! – остановил ее муж.

– Розалии Никитичне надо сменить памперс, – тихо ответила жена.

– Ничего, полежит так, – отрезал Сергей.

– Она не любит...

– Перебьется! – побагровел тот.

Он хотел сказать еще что-то резкое, но тут из детской вышел врач и устало сказал:

– Все.

Ася дернулась и прошелестела:

– Пойду дам Розалии Никитичне новый памперс.

– В каком смысле все? – пробормотал Сережа, сникая на глазах. – Хотите сказать, что Лялочка проснулась?

Доктор слегка замаялся, но потом решительно ответил:

– Ваша дочь умерла.

ГЛАВА 2

Я прижалась спиной к стене. Умерла? Да быть того не может. Ум отказывался верить в этот кошмар. Пару часов назад подпрыгивающая Лялька получила от меня киндер-сюрприз, тут же разломала и слопала шоколадку, а пластмассового бегемотика понеслась показывать полупарализованной бабушке, потом она начала капризничать, упираться, не желала укладываться спать, и Аське пришлось шлепнуть дочурку. Та мигом заревела... Одним словом, все шло так, как и должно было быть.

Умерла! Да Ляля за всю свою недолгую жизнь ни разу не болела. Она пошла в полтора года в частный садик, такой, где на двух детей четыре няни, и благополучно избежала разнообразных инфекций. Что с ней приключилось?

Ася отчего-то не упала в обморок. С милой улыбкой на лице она предложила:

– Хотите чаю?

Ежи глянул на соседку и толкнул Сергея:

– Немедленно уложите жену, ей плохо.

На мой взгляд, отец чувствовал себя намного хуже, чем мать. Бледный до синевы Сережка трясся на пороге детской комнаты, не решаясь войти внутрь. Неожиданно Аська рассмеялась, весело, звонко, словно смотрела самую лучшую комедию. Врач и Ежи переглянулись и начали вытаскивать шприц, ампулы, резко запахло спиртом.

– Сюнечка, – донеслось из спальни Розалии Никитичны, – Сюнечка, поди сюда, и скорей.

Внезапно Сережа покраснел и со злым лицом двинулся вперед. Я схватила его за рукав.

– Ты куда?

– Пусти, – сердито ответил мужик и принялся выворачиваться из моих рук, – пусти... убью эту старую дуру, надоела! Орет целыми днями, никак не умрет! Сегодня же скажу Андрею, чтобы забирал мать. Ишь, придумал, сам женился и не хочет своей новой супруге неприятности доставлять. Свалил на глупую Аську инвалидку и доволен.

Я не стала напоминать парню, что Розалия Никитична находится у себя дома. Ситуация-то немного другая, это она приютила Аську и ее второго мужа. У Сережки нет никакой жилплощади, а крохотную двушку Бабкиной они сдают. Испугавшись, что Сергей и впрямь обидит Розалию Никитичну, я повисла на нем.

– Стой.

– Пусти, – рвался парень, – убью старую идиотку. Дожила до восьмидесяти лет...

Внезапно он сел на пол и зарыдал.

– Сюнечка, – неслось из комнаты, – Сюнечка, ну где же ты?

Боясь, что Сережа сейчас вскочит и побежит к старухе, я толкнула дверь спальни. Розалия Никитична полулежала в подушках. Аська постаралась, чтобы бывшая свекровь не испытывала никакого дискомфорта. Огромная кровать итальянского производства была завалена уютными пледами, на тумбочке чернели пульта от телевизора и видека, здесь же громоздились книги и стояла тарелка с фруктами.

Можно сказать, что Розалии Никитичне повезло: после инсультов у нее сохранились разум и речь, одна беда – плохо ходят ноги. Впрочем, старуха кое-как, опираясь на чью-нибудь крепкую руку, способна дотянуться до туалета. Но Розалия Никитична весит почти сто килограммов, а Аська не дотянула до шестидесяти, таскать по коридорам грузную старуху ей тяжело, отсюда памперсы и судно.

Увидав меня, Розалия отложила газету.

– А где Сюнечка?

– Вам памперс поменять? Давайте.

– Нет, деточка, – с достоинством ответила бабушка, – эту процедуру выполняет только Сюнечка, хотя спасибо за внимание. А где же она?

– В магазин ушла, – ляпнула я.

– А-а-а, – понесся из коридора женский крик, – не отдам, нет, ни за что! Пусть дома лежит!

– Что случилось? – приподнялась на локте старуха. – Это же Сюнечкин голос! Что происходит?

От неожиданности и растерянности я ляпнула:

– У вас горе, Лялечка умерла.

Розалия Никитична нервно воскликнула:

– Как?

– Я ничего не знаю. Заснула и не проснулась.

– Доктора вызывали?

– «Скорая помощь» до сих пор здесь.

– И что врачи сказали?

– Ничего сделать нельзя.

– Это все?

– Да.

Розалия Никитична откинулась на подушки.

– Иди, Виолочка, побудь с Сюнечкой, она, наверное, в шоке.

В полном изумлении от невероятного самообладания пожилой женщины я двинулась к двери. Надо же, Розалия Никитична не ужаснулась, не испугалась, не заплакала. Хотя Ляля ей не родная внучка, у Андрея с Асей детей не было. Но внезапная смерть даже чужого ребенка должна заставить любую женщину хотя бы вздрогнуть.

На пороге я обернулась. Розалия Никитична продолжала полулежать в подушках. Руки ее спокойно держали сложенный газетный лист, а на лице играла легкая улыбка. Я растерялась. Во взоре старухи были явное торжество и плохо скрытая радость.

Сами понимаете, в каком настроении я ехала домой. Прежде чем войти в квартиру, следовало успокоиться. Томочка совсем недавно родила сына Никитку. Представляю, в какой ужас она придет, услышав про то, что случилось у Бабкиной.

Не в силах объясняться с Тamarой, я зашла в первое попавшееся кафе, оказавшееся третьесортной забегаловкой. Столы тут были круглые, пластмассовые, шаткие, зато чай неожиданно разливали не в одноразовые пластиковые, а в стеклянные граненые стаканы. Я давно уже не встречала подобные в системе общепита. Да и весь интерьер харчевни навевал воспоминания о 80-х годах. Слегка обшарпанные стены, в меню сосиски с тушеной капустой и яйцо под майонезом, а между легкими столиками бродит бабища в некогда белом халате и отвратительно воняющим обрывком вафельного полотенца вытирает пролитые на столешницы лужицы того, что тут гордо именуется кофе.

Следовало развернуться и уйти сразу, но на улице неожиданно повалил снег, и я, купив чай, устроилась за столиком рядом с кассой.

Жидкость, плескавшаяся в стакане, вызвала приступ ностальгии. Мне не сунули бумажный пакетик с ниточкой, нет, здесь наливали нечто кирпично-красного оттенка из огромного чайника с деревянной ручкой. На вкус пойло напоминало отвар из веника, точь-в-точь такой, каким нас потчевали в школьной столовой.

Я обхватила ладонями стакан и попыталась успокоиться, тут отворилась дверь и появился дядька в рваной темно-синей куртке. Нетвердым шагом он подошел к буфетчице и попросил:

– Надька, дай стакан.

Баба, хозяйничавшая за стойкой, повернулась, уткнула кулаки в крутые бедра и отрезала:

– Фиг тебе, двигай отсюда.

– Ну, Надюха, – заскулил пьяница, – жалко, что ли?

Дверь снова хлопнула, и появился еще один мужичонка, бомжеватого типа, в засаленном плаще.

– Долго ждать-то? – недовольно спросил он. – Чего копаешься, Петруха!

– Так стакан не дает!

– И не дам, – взъелась буфетчица, – в прошлый раз разбили, а я из своего кармана плати. Заказывайте у меня водку, будет из чего пить.

– У тебя с наценкой, – протянул Петруха и вытащил из кармана бутылку, – вон, такую же в магазине приобрел дешевле.

– Ну и ступай в магазин пить.

– Надюха, дай стакан.

– Пошел вон.

– Во жадина! Что же нам делать?

– Из горла хлебайте, не впервой, – держала оборону Надежда.

– Так у Ваньки лихорадка на губе, – возразил Петруха, – кому заразиться охота, ну кинь стакан.

– Сказано, нет, – вызверилась «барменша» и отвернулась.

Петруха огляделся по сторонам и обратился ко мне:

– Девушка, вам стаканчик нужно€н?

– Я из него чай пью.

– Нет, вон тот.

Пальцем с грязным, обломанным ногтем он ткнул в пластмассовую вазочку с салфетками.

– Это берите, – милостиво разрешила я.

У самой папенька из бывших алкоголиков, и я хорошо знаю, каково сейчас мужикам, вон, прямо трясутся от вожделения.

Петруха аккуратно вытащил салфетки и сказал, сдергивая пробку:

– Я из стаканчика хряпну, а ты из бутылки допьешь, коли заразный.

Ванька согласно кивнул. Тоненькая струйка прозрачной жидкости наполнила емкость. Петруха отдал бутылку приятелю. Тот мигом опрокинул в себя остаток и занюхал рукавом. Петька крикнул, взялся за вазочку и... не сумел ее поднять.

– Чегой-то? – удивленно протянул мужик. – Не двигается.

– Так специально для таких уродов, как вы, придумано, – захихикала буфетчица, – и не старайся даже, не шелохнется.

– Почему? – изумился Ванька, благополучно проглотивший свою долю.

– А он шурупчиком к столешнице приделан, – пояснила баба, – чтобы всякие не тырили.

– Делать-то чего? – растерялся Петька, глядя на стоящую посередине круглого стола пластмассовую емкость, полную огненной воды.

– А чего хочешь? – веселилась буфетчица. – Хоть языком лакай, если дотянешься, конечно.

– Дай ложку, – взвился Петька.

– Только вилки есть! Ложечки у нормальных клиентов на столиках, у таких людёв, которые в кассу заплатили, а не с улицы с ханкой прибегли, – с достоинством заявила бабища.

Внезапно из-под доньшка салфетницы показалась жидкость.

– Слышь, Петруха, – ожил Ванька, – она протекает.

Лужица у нас на глазах становилась все больше. В Петькином взгляде заплескался откровенный ужас, он обратился ко мне:

– Ну-кошь, отойди.

Я покорно выполнила просьбу. Честно говоря, мне стало интересно: ну как он собирается выйти из положения?

Петруха ухватил салфетницу, поднял ее вместе со столиком и, расплескав часть водки, все-таки ухитрился вылить в себя остаток вожделенной жидкости. Через секунду он вернул стол на место, рукавом куртки вытер капли «брынцаловки» и вежливо сказал:

– Ставь чай назад, извини за беспокойство, так уж получилось!

Потом, недовольно ворча, он вышел на улицу, Ванька двинулся следом.

– Видела?! – всплеснула руками буфетчица. – Уж шурупами привернули салфетницы, так все равно ухитрился использовать. Эх, видать, столики у нас слишком легкие. Ну ничего, завтрава кирпичи к ножкам пристрою, пусть тогда поднять попробует.

Лялю хоронили во вторник. Согласитесь, в посещении кладбища нет ничего приятного, даже в солнечный июльский день на погосте пробирает дрожь. А сегодня, хмурым ноябрьским утром, и вовсе было мрачно. Деревья стояли без листвы, над огромным квадратом земли, заставленным памятниками, с оглушительным карканьем носилась стая ворон.

Автобус-катафалк стоял у дверей крематория. Мы оказались в очереди третьими. Перед нами кремировали какую-то бабку. Немногочисленные ее родственники столкнулись в дверях с процессией, впереди которой покачивался маленький, словно кукольный, бело-розовый гробик, заваленный роскошными цветами.

Одна из чужих родственниц, увидав домовину, принялась истово креститься и приговаривать:

– Господи, вот горе-то. Нашей уж за девяносто перевалило, умерла и всех освободила, а эта и не пожила совсем.

Проводить Лялю пришлось огромное количество народа. Ася, вся в черном, с удивительно спокойным лицом стояла в изголовье гроба. Иногда она нервным движением поправляла белую накидку и зачем-то надвигала на лицо покойницы кружевной чепчик. Я оттягивала момент прощания с девочкой. Наконец пришлось подойти к гробу.

Ляля была похожа на куклу. Гример перестарался, разукрашивая девочку. Слишком красные щеки, пурпурные губы и голубые веки. Разрисованное личико производило жутковатое впечатление, и я вздрогнула. Маленькие, желтые ручки, сложенные на груди, держали иконку, в ногах лежал плюшевый велюровый зайчик. Было от чего разрыдаться, и по моим щекам потекли слезы.

Я положила в гроб хризантемы, погладила покойницу по чепчику и, ощущая на ладони страшный, неживой холод, отошла. Наверное, нехорошо, но заставить себя поцеловать то, что осталось от Ляли, я не смогла. Впрочем, наблюдая за толпой, я заметила, что большинство присутствующих просто касается покойницы, а кое-кто норовит побыстрее пробежать мимо гробика. Даже Ася не поцеловала дочь. Правда, подруге стало плохо, и ее усадили на стул у стены, оттуда она и наблюдала, как крохотный гробик медленно уезжает за темную занавеску, отделяющую мир живых от царства мертвых.

Похороны произвели такое гнетущее впечатление, что, возвратившись в квартиру Бабиной, я опрокинула рюмку коньяка и закусила лимоном. Горячая жидкость побежала по сосудам, и стало немного легче.

Ася посидела во главе стола минут десять, потом выскользнула в коридор. Сережа, не обращая внимания на отсутствие жены, лихо опрокидывал стопки, но никто из присутствующих его не останавливал, понимая, что парню лучше всего набраться до бровей и погрузиться в сон. Но алкоголь не желал забирать мужика, Сережка только краснел, сохраняя трезвость рассудка.

Я с трудом высидела час за длинным столом. Обычно на поминках все стараются сказать побольше хорошего о человеке, который ушел из жизни, но сегодня народ молчал. Да и к чему речи? Лялька еще не успела пожить.

Ощущая тупую усталость, я добрела до ванной и подергала дверь. Она не желала открываться. Кто-то из гостей или хозяев заперся изнутри. Я вошла в туалет и, опустив крышку, села на унитаз. Хотя тут проведу пяток минут в одиночестве. Надо бы уйти домой, да неудобно перед Асей и Сережкой. К слову сказать, на похороны, а потом на поминки явилась куча народа, никто не остался равнодушным к горю Бабкиной. В туалете было тихо, только изредка шумела вода в трубе. Я сидела в прострации, разглядывая довольно просторное помещение. В моей старой квартире, той, где я жила до замужества с Олегом, кухня была чуть больше этого сортира. У Аси в «уголке задумчивости» стоял шкаф, набитый всяким барахлом: бытовой химией, туалетной бумагой и тряпками. Внизу было предусмотрено место для пылесоса, сбоку втиснута гладильная доска, немного странно, что ее хранят рядом с унитазом. С другой стороны, Аська патологическая чистюля. Даже полупарализованную бабушку она уложила на кружевные простыни. Другие подсунут под старуху кусок тряпки, и ладно. Впрочем, тряпок в привычном понимании этого слова у Бабкиной нет. Пол она моет куском ткани нежно-розового цвета, а на кухне повсюду разложены крахмальные салфетки из вышитой холстины, которые плохо знающие ее люди принимают за полотенца и страшно удивляются, когда видят, что Аська вытирает ими столики.

– Значит, так, – раздался над самым ухом красивый голос, чуть хриловатое меццо, – тихо и спокойно уходишь от нас.

От неожиданности я подскочила и ударилась головой о шкаф. Что за ерунда? Неужели в туалете кто-то прячется?

– Убирайся из дома, – настаивал голос, и я поняла, что он доносится из ванной.

На стене, под самым потолком имелось вентиляционное отверстие, и звук беспрепятственно проникал из одного помещения в другое.

– С какой стати? – ответила другая женщина, явно молодая и не слишком застенчивая. – Вам моча в голову ударила?

– Смотри, как бы тебе по голове не дало, – быстро ответило меццо.

– Вы о чем? – засмеялась собеседница.

– Сама знаешь! – пробормотало меццо. – Я все расскажу!

Я сидела, привалившись к трубе. Хриплый голос казался удивительно знакомым, но я никак не могла припомнить, кому он принадлежит.

– Хорошо, но я не могу так сразу, дайте хоть десять дней!

– Ладно, – повысила голос обладательница меццо, – но по истечении этого срока все.

Потом послышался стук, я приоткрыла чуть-чуть створку и увидела, что по коридору вышагивает женщина средней полноты, одетая в пронзительно-фиолетовую майку. У Аси в квартире очень жарко, и большинство гостей сразу сняли с себя пиджаки, свитера и кардиганы. Не успела дама скрыться в гостиной, как дверь ванной вновь хлопнула и наружу выбралась, опираясь на две палки... Розалия Никитична.

ГЛАВА 3

Я молча следила в узенькую шелку за тем, как она ползет по коридору. Старуха не сидела за столом и, естественно, не ездила на кремацию. Да и кому могло прийти в голову позвать на кладбище еле живую даму, для которой путь от туалета до спальни занимает почти час? Зачем она вообще вышла из своей комнаты, почему, как обычно, не позвала Аську? Впрочем, последнее понятно. Розалия Никитична любит бывшую невестку, она на самом деле считает ее дочерью, вот и решила не беспокоить Асю в скорбный день, взяла свои палки и поползла в ванную.

Когда стало ясно, что бывшая свекровь тяжело больна, Ася установила в ванной комнате еще один унитаз. Я удивилась, увидав его впервые, но подруга спокойно пояснила:

– Место позволяет, сама видишь, у нас в ванной плясать можно. Розалия, если усядется в туалете, все, часа на два, никак не меньше. Знаешь, как Сережка злится. Ему на работу бежать, а бабушка заперлась и выходить не собирается. Ну каждый день скандал. Один вопит, что он нас кормит, поэтому заслуживает любви и внимания, а другая обижается и плачет. Так что второй унитаз это не прихоть, а суровая необходимость.

Дождавшись, пока старуха исчезнет в своей комнате, я вернулась в гостиную и пошарила глазами по толпе гостей. В помещении много курили, под потолком висел синий дым, и кто-то распахнул дверь балкона. Холодный воздух быстро заполнял пространство, поэтому большинство присутствующих натянули пиджаки и свитера. Женщины в фиолетовой майке не было видно, наверное, она тоже утеплилась. Вздвигнув от сквозняка, я тяжело вздохнула. Еще три дня тому назад Аська бы мигом заорала:

– С ума сошли, да? Сначала надымили, потом Антарктиду устроили! Ну сколько раз объяснять: в доме маленький ребенок, идите на лестницу.

После рождения Ляльки Аська сама бросила курить и нещадно гоняла тех, кто доставал сигареты в квартире. Даже на Сережкин день рождения она, несмотря на крайне недовольный вид мужика, отправила его приятелей к лифту. Но сегодня народ беспрепятственно курил и заполнял пепельницы окурками. Я посмотрела на пепельницу, набитую до отказа чинариками, и внезапно окончательно поверила: Ляля умерла.

Из мрачных раздумий меня вывел довольно сильный толчок в бок.

– Ой, прости, – воскликнула Оля Лапшина с полным подносом грязной посуды в руках, – не хотела тебя толкать, да, боюсь, вся эта гора звезданется.

Я сняла с подноса стопку грязных тарелок и пошла на кухню. Ольга поставила ношу на подоконник и со вздохом предложила:

– Давай освежим посудку-то. Глянь, сколько всего. Аське три дня не разгрести.

– Конечно, – кивнула я и встала у раковины.

Сушка у Аски небольшая, поэтому я мыла сервиз, а Ольга вытирала тарелки, блюда, салатницы. Когда дело дошло до приборов, Лапшина сказала:

– Надо же, чтобы из всего класса именно Аське так не повезло. У наших уже по двое, а то и по трое, а у Бабкиной все никак не получалось.

Я молча удаляла остатки «Фейри». Брак с Андреем, сыном Розалии Никитичны, развалился у Аси еще и потому, что она никак не могла родить. Правда, Бабкина не сразу поняла, что причина бесплодности кроется в муже, но потом произошел ряд неприятных событий, и она мигом развелась, выскочив замуж за Сережку, тут же забеременела и произвела на свет Ляльку. Но вот интересная деталь: Андрей тоже создал второй раз семью, женился на простоватой Светочке, девочке, не слишком подходившей ему ни по образованию, ни по социальному статусу. Света служила бухгалтером в воинской части, и Розалия Никитична, узнав, кто теперь будет у нее в невестках, поджав губы, заявила:

– Жениться следует на ровне.

Андрей психанул, хлопнул дверью и сыграл свадьбу без участия матушки. Потом Аська их помирила, Розалия Никитична пригласила молодых на чай и даже подарила Светке антикварную брошь – камео. Но после ухода довольных родственников она заявила Аське:

– Уж извини, но она меня утомляет. И о чем нам разговаривать? Знаешь, я очень старалась, но болтать два часа о засолке огурцов не в моем стиле.

Розалия всю жизнь проработала врачом, имеет в кармане кандидатский диплом и живо интересуется новыми книгами, театральными премьерами и вернисажами. Сейчас она, естественно, никуда не ходит, телевизор заменил ей весь мир, но три года тому назад пожилая дама не сидела дома.

– Если эта снова нагрянет в гости, – объясняла Розалия Асе, – скажи, что я болею, избавь меня от общения с дурой.

Но Светка не горела желанием общаться с излишне интеллигентной свекровью, а потом у нее не стало времени, потому что Света... родила дочь.

Когда взволнованный Андрей объявил о том, что скоро станет отцом, Аська не поверила. Ведь она точно знала – бывший муж неспособен к зачатию ребенка, а тут вдруг такой поворот. Когда на свет появилась маленькая Ниночка, Розалия Никитична, еще здоровая и вполне энергичная, приехала в гости к Свете и, дав ребенку игрушку с булавкой, незаметно взяла у внучки несколько капель крови. Пробирку она отвезла приятелю, заведовавшему лабораторией. Андрей обследовался ранее, и его анализы имелись. Результат ошеломил бабушку и Асю, сначала тоже заподозрившую неладное: Андрей – отец Нинушки. Никаких сомнений у медработников, проводивших исследование, не было. Ошарашенная Аська сбегала к гинекологу и задала вопрос:

– Как такое вышло?

Профессор развел руками.

– Есть вещи, которые иначе, чем божья награда, и не назвать.

За что господь решил вознаградить Свету, для Бабкиной осталось непонятным, ну да это ерунда, интересно другое. Нинушка и Лялька были практически одного возраста, обе хорошенькие, как картинки, блондиночки с весело сверкающими голубыми глазами. Но Ляля – любимая внучка, с которой Розалия Никитична охотно возилась. Она разрешала девочке рыться у себя в шкафу, и много приятных часов Лялька провела, примеряя ожерелья, бусы, цепочки и кольца бабушки. Чуть ли не каждый день она получала от Розалии подарочки. Даже прикованная к постели, старуха ухитрялась порадовать свое солнышко. Как-то раз, придя к ним в гости, я увидела Ляльку с огромным шоколадным зайцем в ручках.

– Большого не нашла? – усмехнулась я. – Этот косоглазый небось два кило весит.

– Это Розалия купила, – отмахнулась Ася, – совсем Ляльку разбаловала. Та каждое утро влетает к ней в комнату и кричит: «Лублу тебя, лублу, дай подалок!» И ведь получает, шельма.

– Ты хочешь сказать, – изумилась я, – что еле-еле передвигающаяся женщина ходит по магазинам?

Аська дернула плечом.

– Знаешь, Вилка, прогресс зашел очень далеко, Розалия просто набирает телефон службы 77, и через пару часов курьер доставляет заказ.

Нинушка же бывала у Розалии раза два в год, не чаще. Пожилая женщина весьма равнодушно целовала ее в макушку и вручала простую шоколадку. Если во время визита между девочками вспыхивала ссора, Розалия мигом говорила:

– Света, уйми Нину, наша Лялочка никогда так себя не ведет.

Особо странным поведение бабушки кажется, если учесть, что Ниночка-то родная кровь, дочь сына, а Лялька не пойми кто, ребенок бывшей невестки от постороннего мужика. Но факт оставался фактом: Лялочка была любимой, а Нинуша нет.

– Вон у Ленки Красильниковой, – бубнила Ольга, – целых трое, и все живы-здоровы, а у Аски...

– По-моему, не слишком уместно вспоминать в этой связи деток Красильниковой, – укоризненно сказала я.

Ольга с силой поставила блюдо на мойку. Раздался тихий треск, и оно развалилось на два совершенно одинаковых куска.

– Я ничего не имела в виду, – взвилась Ольга, – просто мне кажется со стороны бога несправедливым оставлять одним кучу вечно голодных ртов и отнимать у несчастной Аски единственную радость в жизни. Надо же – СДС!

– Что? – не поняла я.

– Ты не знаешь, отчего умерла Ляля? – удивилась подруга.

– Нет, Ася с Сережкой не сказали, а я постеснялась спросить.

– СДС, синдром детской смертности.

– Это болезнь такая?

Ольга пожала плечами.

– Никто этого не знает, случается такое иногда с детьми дошкольного возраста. Ложится ребенок спать совершенно здоровым, а утром не просыпается. Отчего это происходит, не ясно, есть разные теории, но четкого ответа на вопрос нет. Американцы считают, что причина кроется в аллергии, японцы предполагают, будто дело в нарушении сердечного ритма. Только ничего от этого не меняется, и лечить эту болячку никто не может, потому как не понимают врачи, в чем проблема, ясно?

Я кивнула.

– Слышь, Олька, а кто здесь ходит сейчас в такой фиолетовой майке?

Лапшина задумчиво повторила:

– В фиолетовой майке? А, это Светка, вторая жена Андрея. Такая странная особа, ну вообще без головы! Прикинь, ей даже Ленка сейчас замечание сделала. Села за стол, наелась, водкой налилась и давай анекдоты травить, да все такие глупые, прямо отвратные, ржет беззастенчиво, а потом спросила: «Может, музыку включим, потанцуем!» Тут Ленка не вынесла и говорит: «Ты забыла, куда пришла? У людей горе». Угадай, что Светка ответила?

– Не знаю.

– Тебе и в голову не придет такое сказать, – вздохнула Ольга, собирая осколки блюда, – эта кретинка повернулась к Ленке и заявила: «А у меня нет повода для плача, впрочем, у вас тоже, насколько я понимаю, все остальные дети живы и здоровы». Ну не сволочь?

Я закрутила краны. Да уж, Света не отличается ни умом, ни тактом. Интересно, что за конфликт вышел у нее с Розалией?

Домой я приползла около пяти, вся разбитая от усталости. В квартире, слава богу, почти никого не оказалось. Олег и Семен, естественно, были на работе, Тамарочка с Никиткой ушла в поликлинику, а Кристина занимается в своей комнате английским с репетитором. Я села на кухне и устала на чайник. Хочется пить и есть, на поминках мне кусок в горло не лез, а теперь желудок взбунтовался. Пришлось встать, открыть холодильник и вытащить масленку. Сделаю себе пару тостов, никаких сил нет разогревать котлеты. Не успела я закрыть дверцу, как масленка, круглая керамическая баночка в виде коровы, выскользнула из моих пальцев и разбилась на множество уродливых осколков.

От обиды я топнула ногой. Да уж, день сегодня выдался не из лучших! Представляю, как расстроится Крися, она так долго выбирала эту масленку. Все коровы были с синими бантиками, а девочке обязательно хотелось с красными, она заставила продавщицу перерыть все коробки и найти нужную буренку. Может, по-быстрому замести осколки да сбегать в магазин за другой масленкой?

Но мне вновь не повезло. В кухню влетела Крися.

– Ой, что стряслось?

– Ты уж закончила заниматься? – я начала потихоньку злиться. – Если нет, то сделай милость, ступай назад.

– Ты разбила масленку!

– Случайно вышло, сейчас побегу куплю новую.

– Наплюй, – отмахнулась Крися, – она мне давно разонравилась.

– Кристина, – послышался из комнат голос Юли, преподавательницы английского, – ты где?

– На, – девочка сунула мне в руки трубку, – тебе звонят, из издательства, да так торжественно попросили: «Будьте любезны к аппарату Виолу Ленинидовну Тараканову».

Я в ужасе уставилась на телефон. Нет, теперь еще и эта неприятность, ей-богу, на сегодня хватит!

– Скажи, что меня нет!

– А я уже сообщила, что ты дома, – радостно выкрикнула Криська, – да отвечай скорей! Может, что-нибудь хорошее!

Но я ждала только плохого.

Несколько месяцев назад я закончила писать детективный роман. Вообще-то, я тихо и мирно работаю в журнале, который издает Семен, муж Томочки. Я обожаю криминальные романы, прочитала всю классику жанра от Агаты Кристи до Марининой и, естественно, занимаясь в журнале рубрикой «Журналистские расследования», пишу очерки, основанные на реальных делах. Я уже упоминала, что мой муж Олег Куприн служит в милиции, но помощи от него нет. Другой бы супруг, имея жену-журналиста, мигом бы начал рассказывать ей о своих героических буднях, но Олег только отмахивается и бурчит:

– И ничего интересного, сплошная рутина!

Приходится выкручиваться самой, чтобы добыть материал для будущей статьи. Семен, несмотря на то, что мы живем в одной квартире и считаем себя ближайшими родственниками, не дает мне спуска и на редколлегии может здорово отругать.

Пару раз я влипала в криминальные истории, в последний раз Олег мрачно сказал:

– Вместо того чтобы корчить из себя комиссара Мегрэ, лучше пиши детективы, с твоей буйной фантазией должно получиться.

Сначала мысль показалась мне дикой, но потом я взяла бумагу, ручку и очень быстро накропала нечто, названное в порыве вдохновения «Чужая кровь».

Процесс написания романа оказался настолько увлекательным, что я никуда не ходила, а сидела на кровати, положив на колени книжечку «Двенадцать подвигов Геракла». Она служила мне письменным столом. Больше всех был доволен Олег. Жена постоянно дома, просто не вылезает из спальни.

Пока роман писался, было замечательно, но вскоре пришлось поставить последнюю точку.

Потеряв замечательное хобби, я загрустила.

– Вай следующий, – велел Олег.

Но я колебалась. Зачем? Ну к чему я испортила такое количество хорошей финской бумаги?

Потом Олег утащил рукопись на работу, и девчонки-машинистки отпечатали текст. К слову сказать, они потом позвонили мне и выразили свой восторг, но я все равно решительно не знала, что теперь делать с уже готовым текстом. От тоски я дала его почитать подругам, выслушала дифирамбы и стала подумывать над написанием другой «нетленки». В конце концов, у людей бывает хобби. Кто-то шьет, иная вяжет, а я строчу детективы. Можно читать их вечером во время ужина всем вслух.

В общем, так я и поступила. Стоило домашним очутиться у стола, как я вытаскивала пачку листов и «превращалась» в радио. В конце концов, мой папенька сказал:

– Слышь, Вилка, дурь ты, конечно, наваяла жуткую, на правду совсем не похоже, но забирает. Прямо извелся весь, пока понял, что убила бабушка.

– А вот и не бабушка, – с торжеством заявила я, – ты не дослушал!

– Почему бы тебе не отнести эту лабуду в издательство? – не успокаивался Ленинид.

Я уронила рукопись на пол.

– Куда?

– В издательство, – повторил папенька.

– Сейчас столько дряни выпускают, – подхватил Семен, – тебя обязательно издадут!

Я медленно собирала рассыпавшиеся листы.

– В издательство? В какое?

– погоди, – подскочила Кристина и бросилась в мою спальню.

Через пару минут она прибежала назад с кипой разноцветных книжек.

– Вот, смотри, – затараторила девочка, – вот тут, на последней странице все указано, эти детективы выпущены в «Марко», а находится оно по адресу: улица Вронского, дом девять.

– Вронского? – удивилась Тamarочка. – Совсем рядом, пешком дойдешь.

– Судьба, – загадочно сказал папенька, – карма, бери свою писанину и ступай.

– Так не делают, – возмутился Семен, – давайте я завтра все разузнаю про «Марко», хотя прямо сейчас могу сказать, что на рынке два монстра – «Марко» и «Таро-пресс», все остальные издательства значительно меньше. Ты, Вилка, не пори горячку, выясню, кто главный редактор, позвоню, попрошу, чтобы внимательно прочли рукопись.

Вечером в мою комнату влез папенька и жарко зашептал:

– Слышь, доча, я тобой жутко горжусь. У нас отродясь писателей не случилось. Я все вспоминал про своих сейчас, ну одни крестьяне, я-то первый в город выехал.

– Какая я писательница!

– Э, погоди, вот увидишь, – бормотал Ленинид, – Семена не слушай, от блата только хуже, ступай завтра сама, адрес имеешь, не тушуйся.

– А если выгонят?

– Ну и чего? Уйдешь, и все, эго удивление, бить же они тебя не станут!

Когда возбужденный папенька наконец ушел домой, я открыла одну из книг Марины Орловой, потом заглянула в томик, написанный Анной Смоляковой. Ну что ж, если этих обожаемых мною авторов издает «Марко», значит, я иду туда без страха.

Утром, около одиннадцати, я нажала кнопку звонка около сияющей латунной таблички. Дверь щелкнула, стал виден длинный узкий коридор и письменный стол, за которым сидел охранник.

– Вы к кому? – весьма вежливо спросил он.

– Э-э, понимаете, я написала детектив, – потрясла я красной папочкой, – «Чужая кровь» называется, вроде ничего получилось, может, подойдет?

– Так вы автор? – уточнил секьюрити.

Внезапно я ощутила прилив необычайной гордости.

– Вы автор? – повторил мужчина.

– Да! – радостно ответила я.

– Ступайте во второй кабинет налево, – сообщил охранник и потерял ко мне всякий интерес.

Я дошла до нужного места и поскреблась в дверь. Никакого ответа. Пришлось приоткрыть створку и просунуть голову в комнату. В маленьком помещении, больше всего похожем

на спичечный коробок, стояло впритык друг к другу два письменных стола. Все остальное пространство было завалено книгами. Тома в разноцветных обложках лежали на подоконнике, громоздились стопками на полу, красовались на стеллажах и буквально падали со столов.

– Простите, – проблеяла я, обращаясь к молодой женщине, уткнувшей нос в компьютер.

– Ну, – буркнула та, не поднимая головы.

– Я написала детектив.

– Олеся Константиновна, – прозвучал ответ.

– Нет, меня зовут Виола.

– Вам следует подождать Олеся Константиновну, – сообщила девушка и весьма нелюбезно добавила: – В коридоре.

Я собралась выйти за дверь, но тут в комнатушку влетела женщина, маленькая, щуплая, рыженькая, страшно похожая на юркого подростка. Она ужом ввинтилась за письменный стол и выжидательно посмотрела на меня.

– Вот, – залепетала я, – романчик детективный, «Чужая кровь», жутко интересный, подружкам нравится.

Без тени улыбки Олеся Константиновна сказала:

– Давайте.

Дрожащей рукой я протянула папочку. Редактор взяла ее.

– Мы не комментируем отказ. Если ваша рукопись будет принята, сообщим.

Потом она ловко зашвырнула «Чужую кровь» за спину. Я проследила глазами за полетом рукописи и увидела, что в правом углу, за столом высится гора разномастных папок, моя самым чудесным образом оказалась сверху. Олеся Константиновна уставилась на меня круглыми карими глазами.

– Это все? – растерянно спросила я.

Она кивнула.

– Вам позвонят.

В полной прострации я вышла на улицу и села на скамейку на троллейбусной остановке. Вообще-то, я не плаксива, зарыдать могу в основном от злости, но сейчас по щекам потекли горькие слезы. «Господи, ну зачем я послушалась Ленинида? За каким чертом поперлась в издательство? Вон там сколько неопубликованных вещей лежит! Никто никогда не станет печатать «Чужую кровь».

– Девушка, – раздался над ухом участливый голос, – вам плохо?

Обозлившись на себя, я принялась рыться в сумочке, пытаюсь найти платок.

– Нет, мне очень хорошо.

– Но вы плачете.

– От счастья! – рявкнула я и, так и не обнаружив платка, вытерла лицо рукавом. – Отвяжитесь, рыдаю себе и рыдаю.

Стоит ли говорить, что весь следующий месяц я бросалась на любой телефонный звонок с воплем:

– Не берите трубку, это меня из издательства ищут!

Но время шло, Олеся Константиновна не звонила, и постепенно становилось понятно, что детектив ей не понравился. И вот сейчас редакторша наконец хочет сказать мне это сама. Нет, сегодняшний день просто ужасен!

ГЛАВА 4

Решив покориться судьбе, я взяла протянутую трубку и безнадежно сказала:

– Аллю.

– Виола Ленинидовна?

– Да.

– Мы приняли положительное решение по вашей рукописи. Не могли бы вы прямо сейчас подъехать в издательство?

– Сейчас? – глупо переспросила я.

– Если успеете до полседьмого, то хочется переговорить сегодня.

– Вы намереваетесь вернуть мне рукопись, чтобы она не занимала места в издательстве?

– Мы собираемся напечатать вашу книгу, – спокойно уточнила Олеся Константиновна.

– Бегу, – заорала я, вскакивая на ноги, – бегу, сейчас, несусь, только не уходите!

В трубке послышалось сдавленное покашливание, потом раздались короткие гудки. Словно испуганная мышь, я заметалась по квартире. Ну где мои брюки, куда подевались колготки, кто взял губную помаду? Расшвыряв ненужные вещи, я влезла в куртку, натянула сапожки и побежала на улицу Вронского, чувствуя, что обувь отчего-то просто сваливается с ног.

В маленькой комнатке все осталось так, как месяц тому назад. Мрачная девушка снова не подняла головы от ноутбука и сделала вид, будто не слышит мое робкое:

– Здравствуйте.

Олеся Константиновна опять без тени улыбки предложила:

– Садитесь. Мы собираемся напечатать вашу вещь, но потребуется внести изменения.

– Конечно, конечно, что хотите!

– Нас не устраивает один из главных героев. Володя, он мужчина, нужна женщина.

– Без проблем, сделаю из него Валю.

– Совершенно ни к чему в книге подробные описания природы и утомительные рассказы о переживаниях матери.

– Уберу.

– Название меняйте.

– Пожалуйста.

Олеся Константиновна склонила голову набок, внимательно посмотрела на меня и поинтересовалась:

– Когда предоставите готовую рукопись?

– Завтра!!!

В лице редакторши появилось нечто живое, уголки ее рта дрогнули, дама явно сдерживала улыбку.

– Можно так не торопиться. Жду пятнадцатого числа. Тогда же подпишем договор, и вы получите деньги.

– Какие?

Олеся Константиновна вздернула брови.

– Мы должны заплатить вам гонорар. Разве вы не знали об этом?

Боясь выглядеть в ее глазах полной идиоткой, я ответила:

– Знала, конечно.

Ну не признаваться же ей, что я полагала, будто сама заплачу им за выпуск книги!

– И еще, имя Виола не подходит для обложки, ищите псевдоним.

Сказав последнюю фразу, она уткнула глаза в чью-то рукопись. Понимая, что аудиенция окончена, я тихо встала и, ощущая под ногами мягкий ворс ковролина, шагнула к двери.

– Виола Ленинидовна, – окликнула меня редактор.

Я повернулась.

– Вы забыли ботинки, – сообщила Олеся Константиновна и ткнула ручкой вниз.

Я опустила глаза и онемела. Так вот почему ступни ощущают ворс, я очутилась на ковре просто в колготках. Понятно теперь, и отчего сапожки все время норовили соскользнуть у меня по дороге с ног. Возле стула спокойно стояли полуботинки Олега, а мой муж носит сорок второй размер.

Олеся Константиновна с интересом глянула на меня, нелюбезная девушка тоже наконец оторвала взор от компьютера и уставилась на мою обувь. Глупо хихикая, я подхватила баретки Куприна, вышла босиком в коридор, потуже затянула шнурки и, шаркая, словно дряхлая бабка, пошла домой.

В квартире горел скандал, из кухни слышались негодующие вопли Маринки Рымниной, нашей соседки снизу.

– Что за шум? – поинтересовалась я, влетая в помещение.

Следующие слова застряли в горле. Повсюду были лужи и грязь. Тамарочка, стоявшая с тряпкой, вздохнула.

– Кто-то заткнул пробку в раковине, пустил во всю мощь воду и ушел. Кристя занималась английским, а я, на беду, заснула. Проснулась, когда Маринка в дверь звонить начала.

– Между прочим, – понеслась в атаку соседка, – вы нас капитально затопили, обои поотлетали, штукатурка осыпалась, паркет начал вздуваться. Придется ремонт делать, за ваш счет! Имейте в виду, я этого так не оставлю...

– Мариша, – миролюбиво сказала Томочка, – ты не волнуйся, естественно, мы оплатим все расходы, только скажи сколько!

Не ожидавшая такой реакции, соседка осеклась, потом пробормотала:

– Подумать надо.

Когда обозленная Маринка ушла, я удрученно воскликнула:

– Я забыла про пробку и про воду, вообще все из головы вылетело, представляешь, мою книгу собрались напечатать!

Тамарочка опустила на стул.

– Да ну! Вот это новость! Ради нее стоило затопить весь подъезд!

Всю следующую неделю я просидела над рукописью, старательно превращая Володю в Валю и убирая описание природы. Желание увидеть свой опус напечатанным было настолько сильным, что я была готова на все, лишь бы суровая Олеся Константиновна благосклонно кивнула. Не понравилась редактору старенькая мама одной из героинь? Не беда, превратим бабушку в бойкую двоюродную сестрицу. Отталкивают восторженные слова о закате солнца? Значит, вымараем все. Я не гордая, и потом, небось Олеся Константиновна лучше меня знает, как следует писать детективы.

Через семь дней я похудела на четыре кило, осунулась, и Олег отнял у меня рукопись со словами:

– Заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет. Отдохни, успеешь исправить!

– Дай сюда, – заорала я, – пятнадцатого в десять ноль-ноль я должна представить готовый текст, а мне еще двадцать страниц править!

Муж постучал пальцем по лбу.

– Совсем ума лишилась! Сегодня двенадцатое, времени полно.

Я легла на диван и мигом заснула, чувствуя невероятную усталость во всем теле. Честно говоря, это удивительно. Ладно бы носила тяжелые сумки или стирала вручную пододеяльники... Так ведь просто сидела и водила ручкой по бумаге, отчего же так притомилась!

– Эй, Вилка, – раздалось издалека.

Стряхнув с себя остатки сна, я села. Томочка протягивала трубку.

– Извини, разбудила, но мне кажется, это важно.

– Виола Ленинидовна, – донеслось из мембраны, – вас беспокоят из кардиореанимации сто шестьдесят девятой больницы, не могли бы вы подъехать к нам сейчас?

Я посмотрела на часы: девять вечера.

– Мне? В больницу? В такое время? Зачем?

Голос врача стал громче:

– Анастасия Федоровна Бабкина вам знакома?

– Аська? Конечно, мы дружим со школы, ходили в один класс!

– Ее привезли сюда пять дней тому назад с инфарктом.

– Боже! Но она же совсем молодая!

– К сожалению, сердечно-сосудистые заболевания не зависят теперь от возраста. Сейчас ее состояние более или менее стабилизировалось, но она находится в крайнем волнении и требует вас. Понимаю, что поздно, но Бапкиной нельзя нервничать, а Анастасия Федоровна страшно беспокоится.

– Еду, – коротко ответила я и побежала в ванную.

Зачем понадобилось Аське вызывать меня?

Олега, как всегда, не оказалось дома. Муж успел убежать, пока я мирно дрыхла под пледом, поэтому пришлось похоронить надежду на то, что он довезет меня до больницы. Безрезультатно прождав автобус, я поймала бомбиста и докатила до места назначения в полном комфорте, в тепле и под приятную музыку.

Аська выглядела ужасно. Маленькое личико терялось на огромной подушке, сливаясь по цвету с серовато-желтоватой наволочкой.

– Привет, – слишком бодро сказала я, – как дела? Валяешься тут, симулянтка, чужое место в реанимации занимаешь. Заканчивай кукситься, доктор говорит, что скоро тебя выкинет отсюда.

Ася медленно распахнула огромные глаза и пробормотала:

– Вилка, пришла!

– Конечно, ты же позвала. Что случилось? Принести продуктов или вещи какие?

– Закрой дверь поплотней, – прошелестела Ася, – сядь на кровать.

– Лучше на стул, чего же грязными джинсами и прямо на белье.

– Нет, – забеспокоилась подруга, – сюда, на одеяло, не хочу, чтобы кто-нибудь услышал, ближе садись.

На ее лбу заблестели капли пота. Испугавшись, что Аське станет хуже, я устроилась прямо возле ее лица и забормотала:

– Не волнуйся, говори спокойно.

Ася с трудом подняла тонкую руку.

– Ляля пропала.

Я постаралась не измениться в лице. Бедная Аська, не всякий способен пережить такое горе, как смерть единственной, нежно любимой дочери. Кажется, у Аси поехала крыша.

– Ляля пропала, – повторила подруга, хватая меня бледными, ледяными пальцами, – только на тебя надежда, найди ее.

Мне стало страшно. Погладив Асю по спутанным волосам, я осторожно произнесла:

– Ты только так не волнуйся, пожалуйста. Скажи, где Сережка?

– В командировку, как всегда, укатил, – прошептала подруга, – деньги зарабатывать.

Я только вздохнула. Сергей не самый заботливый муж. Жена попадает с инфарктом в реанимацию, а супруг преспокойненько отправляется прочь.

– А Розалия Никитична с кем?

– К ней Андрей переехал, – прошелестела Аська, – умоляю, найди Лялю. Господи, какой ужас! А все Ежи, его выдумка! Ну почему я согласилась! Испугалась скандала! Сережа сказал, что убьет меня, он может...

Вспомнив тихого, застенчиво улыбающегося Сергея, я перепугалась окончательно. К Аське следует срочно вызвать психиатра.

– Найди Лялю, – задергалась больная.

– Ася, – сурово сказала я, – Ляля умерла, мы кремировали ее, неужели ты не помнишь?

– Нет, это не она.

– А кто?

– Другая девочка.

Все понятно, нужно немедленно поставить в известность лечащего врача.

– Ты думаешь, я с ума сошла?

– Нет, конечно, ты просто устала, надо отдохнуть, поспишь сейчас спокойно, и все пройдет.

– Ляля жива!

– Конечно, конечно.

– Это правда!!!

– Безусловно, вот что, полежи, я сейчас приду.

– Если пойдешь к врачу и вызовешь психиатра, – с мрачной решимостью сказала Аська, – если не поверишь мне и станешь считать психопаткой, если не поможешь, я сегодня же покончу с собой, ясно?

Я испугалась.

– Только не волнуйся!

– Сядь назад.

– Ладно.

– Слушай!

– Говори.

– Ляля жива, – выпалила Ася, – она и не думала умирать, мы кремировали другого ребенка, так придумал Ежи. Мне затея показалась правильной, а теперь вижу, что совершила страшную глупость, просто безумие, словно под гипноз попала. Мне не нужен Ежи, найди Лялю!

Лицо Аськи приобрело синевато-розоватый оттенок, лоб снова вспотел, руки затряслись.

– Думаешь, почему я инфаркт спустя почти неделю после поминок заработала? – свистящим шепотом спросила она. – Отчего у меня сердце сразу, когда труп в кровати увидела, не разорвалось? Да потому, что не Ляля умерла, а другая, Ирочка Забелина.

В глазах подруги метались мрачные огоньки, и я внезапно с ужасом поняла: Аська совершенно вменяема, а то, что она сейчас рассказывает про Ляльку, дикая правда.

– Ну-ка, – прошептала я, поудобней устраиваясь на высокой кровати, – быстро выкладывай все!

ГЛАВА 5

Первая часть истории выглядела вполне обычно. Асе всегда хотелось иметь ребенка, но в браке с Андреем это не удалось. Бабкина очень хорошо относилась к первому мужу, можно сказать, даже любила его. Андрей устраивал ее со всех сторон, но дети-то не получались. А потом выяснилось, что у Андрюшки есть любовница... Аська развелась и поняла, что слупила. Умная женщина не уходит от супруга в никуда. Сначала требовалось найти ему замену.

Примерно полгода Ася прожила одна, не видя вокруг достойного кандидата. Все попадавшиеся на пути мужики были, как один, разведенными, с детьми. Асе же хотелось, чтобы ее долгожданный ребеночек оказался единственным, она мечтала, чтобы ее крошка получила родительскую любовь и ласку целиком, не деля ее со сводным братом или сестрой. Да и алименты не хотелось отдавать на сторону.

Но свободный полностью «объект» не попадался. Потом Оля Лапшина познакомила Асю со своим дальним родственником. Честно говоря, я не очень-то разобралась, кем Сережка приходится Ольге: то ли троюродным братом, то ли внучатым племянником. В общем, седьмая вода на киселе, но Лапшина и будущий муж Аськи дружили, ходили друг к другу в гости, и Оляка решила женить парня на Аське.

Сережа оказался Бабкиной идеальным женихом. Никаких бывших жен и детей он в анамнезе не имел, в брак собирался вступить впервые, работал компьютерщиком, получал вполне приличные деньги и был сиротой. Отец и мать парня умерли очень давно, его воспитывала бабушка, тоже покойная к тому времени, когда Сережка познакомился с Асей. Упустить подобный сказочный вариант было просто глупо, и Бабкина побежала в ЗАГС. Под венец Аська шла уже беременной. Помня о бесплодности Андрея, она решила подстраховаться и устроила себе медовые полгода до свадьбы, чтобы проверить интимные способности предполагаемого спутника жизни. Все получилось лучше некуда, и на свет появилась Лялька. Аська в одночасье превратилась в сумасшедшую мамашу, впрочем, Сережка тоже обожал дочь. Собственно говоря, их брак держался на любви к девочке, потому что уже через месяц после рождения Ляли Ася поняла, что жить с Сережей невозможно.

Нет, он не делал ничего плохого: не пил, не бил жену и, казалось, не бегал налево. Наоборот, был хорошим добытчиком, нес каждую заработанную копейку в дом, не злился, когда Аська покупала себе очередную кофточку, миролюбиво воспринимал всех многочисленных знакомых жены, толпой пронсящих по квартире, и никогда не капризничал, обнаружив, что в шкафу закончились чистые рубашки, а в холодильнике еда. Одним словом, ничего плохого о Сереже Ася сказать не могла, кроме одного: он ее жутко раздражал, абсолютно во всем. Неприязнь вызывала манера мужа есть с упоением креветки, его привычка долго сморкаться в ванной, бесил Сережа, уютно сидящий у телевизора с бутылочкой пивка, казалась отвратительной его любовь к бане и рыбалке. Проанализировав однажды свои чувства, Аська пришла к выводу, что фатально ошиблась. Андрюша в качестве спутника жизни устраивал ее намного больше, но он изменял ей, и от него не могло быть детей. Сергей просто бесил, зато появилась Лялька.

Через год после рождения дочери Ася поняла, что больше не может так жить, и потребовала развод. Она, наивная душа, полагала, что муж спокойно согласится и съедет. Но тихий, безропотный, даже апатичный мужик неожиданно проявил крайнюю твердость и заявил:

– И не надейся.

Аська слегка оторопела.

– Почему?

– У нас ребенок, – заявил постылый муж, – если хочешь знать, ты мне тоже надоела, но ведь я тебя терплю ради Ляли!

– Как это надоела? – захлопала глазами Ася, пребывавшая в твердой уверенности, что Сережка сидит у нее под каблуком.

– Просто, – пожал плечами парень, – шумишь много, орешь, по квартире носишься, никакого покоя, но я, в отличие от тебя, человек ответственный и понимаю: раз родил ребенка, должен его воспитать, поставить на ноги и только тогда гулять. Никаких разводов, а если начнешь настаивать, имей в виду, отсужу Лялю, лишу тебя материнских прав. А коли суд оставит тебе девочку, я ее украду и спрячу так, вовек не найдешь!

Посинев от злости, Аська в тот же день перетащила свою кровать в другую комнату. Огромная квартира Розалии давала большой простор для маневров. Сережка сделал вид, будто не заметил рокировку. Ася принялась провоцировать скандалы, закатывала истерики... Но муженек спокойно сидел, уткнувшись в телевизор, и отвечал с невозмутимым лицом:

– Как хочешь, дорогая, ты права.

Вышел из себя он только один раз, когда супруга заявила домой около пяти утра, в легком подпитии.

Твердой рукой Сережка сначала запихнул Аську под ледяной душ, а потом, накачав блудную жену кофе, сообщил:

– Еще раз позволишь себе подобное, мигом лишишься Ляли, имей в виду, я не собираюсь, чтобы моего ребенка касались руки бляди.

Аська сначала возмутилась и попыталась возразить:

– Да я на дне рождения была, ничего такого, о чем ты думаешь, и не было, просто первый раз в жизни текилу попробовала и опьянела.

– Я сказал, а ты слышала, – рубанул Сергей и через час ушел на службу.

После этого случая их отношения разладились окончательно, но внешне они выглядели вполне счастливой парой. Аська перестала скандалить, поняв, что муж никогда не даст ей развода. Вернее, он преспокойненько поставит штамп в паспорт, но Лялечку ей в этом случае не видать, а жизнь без обожаемой дочки Бабкиной была не нужна. Одним словом, взвесив все «за» и «против», Аська пришла к выводу, что ей следует наладить с супругом приятельские отношения, в конце концов, лучше считаться замужней женщиной и не лишать своего ребенка отца.

Наверное бы, их брак и вошел в какую-то устоявшуюся колею, но тут, как на грех, Аська влюбилась, словно пятнадцатилетний подросток, в своего соседа по лестничной клетке Ежи.

Начался их роман буднично. В доме отключили электричество, и врач помог Аське дотащить наверх Ляльку.

– Какая девочка хорошенькая, просто ваша копия, – галантно сказал добрый самаритянин, ставя Лялю на пол квартиры, – и развита не по годам, цифры знает.

Ася покраснела от удовольствия и решила, что Ежи, с которым у нее до сих пор было только шапочное знакомство, очень милый человек.

Спустя пару дней Аська вышла на лестницу протереть сапоги и обнаружила там крайне удрученного соседа с пиджаком в руках.

– Вот беда, – сказал Ежи, – хотел почистить, да карман оторвал! Придется теперь ателье искать!

Аська затащила неряху к себе, устранила неполадку и напоила мужика чаем с пирожками.

Роман начал развиваться стремительно, и, оказавшись летом вместе с Лялькой на даче, Ася поняла, что жить без Ежи больше не сможет.

А потом произошло невероятное событие. Ежи позвал Аську к себе и сказал:

– Люблю тебя, давай жить вместе.

– Сергей не отдаст Лялю, – грустно ответила Ася.

– Слушай внимательно, есть уникальный шанс, – сообщил врач. – В нашу клинику обратилась некая Милена Забелина, молодая баба с мерцательной аритмией. Прикинь, ей всего тридцать четыре года, а на руках семеро детей!

– Сколько? – подскочила Аська.

– Семеро, – повторил Ежи, – рано замуж вышла, муж попался верующий, аборт делать не разрешил, вот и плодила нищету, пока, слава богу, не заболела. Теперь ей доктора запретили рожать, придется Милениному супругу наступить на горло своим принципам и отпустить несчастную бабу к гинекологу. Ты бы ее видела! На вид почти старуха, одета жутко, да и понятно, откуда взяться деньгам в семье, где требуется прокормить такую ораву. В общем, Милена нуждается в средствах.

– А мы тут при чем? – удивилась Ася. – Какое нам дело до чужой глупости?

– Три тысячи долларов, и проблема Ляли решена, – потер руки Ежи.

– Каким образом?

Ежи обнял любовницу за плечи.

– Слушай.

Чем дальше он говорил, тем больше у Аськи отвисала челюсть. У Милены есть двухлетняя девочка Ирочка, совсем больная. Очевидно, частые роды настолько истощили организм женщины, что с пятого ребенка она стала производить на свет инвалидов. Один получился с дефектом почки, другой – умственно отсталый, а Ирочка явилась на свет с серьезными нарушениями мозгового кровообращения. Девочку пытались лечить, но толку чуть. И родителям и врачам стало понятно, что крошка не выживет. Сегодня ночью девочка умерла.

Маленькие дети похожи друг на друга. Несчастливая Ирочка просто копия Ляли – такая же беленькая, голубоглазая и полненькая. Ребятки с нарушениями в сердечно-сосудистой системе кажутся посторонним людям пухленькими. На самом деле это нездоровая одутловатость и отечность, а румянец на лице – не признак здоровья, а симптом грозной болезни головного мозга, но такие подробности известны только специалистам. Для всех остальных Ирочка выглядела просто изумительно.

Вот Ежи и пришла в голову «гениальная» идея поменять Иру на Ляльку. Дальнейшее просто, несчастную дочку Забелиных кремируют под чужим именем, Ася через некоторое время разведется с Сережей. Ее супруг не станет сопротивляться, да у него и не будет повода для этого. Потом Ася оформит брак с Ежи. Никого из знакомых не удивит, когда спустя некоторое время Ася и Ежи удочерят девочку из неблагополучной семьи. Правда, Ляльке придется откликаться до конца дней на имя Ирочка, ну да это детали!

Аська сначала обомлела, но потом пришла в себя и стала задавать вопросы:

– Кто же разрешит вынести из больницы тело?

Ежи спокойно пояснил:

– Беру на себя все проблемы.

– Но как это сделать? – принялась обсуждать технические проблемы Ася.

– Просто, – пожал плечами Ежи, – положу тело в спортивную сумку. Балкон детской граничит с балконом моей спальни, там и совершим обмен. Я перелезу и положу тело в кровать Аси. Твое дело погромче плакать и позвать в гости какую-нибудь подругу, желательно болтливую.

– Зачем?

– Чтобы потом всем рассказывала, как она видела, что девочка скончалась у нее на глазах.

– Разве так бывает? Бегал здоровый, веселый ребенок, и все?

– Сколько угодно, – спокойно пояснил Ежи, – синдром внезапной детской смертности – загадочная вещь. Тело, естественно, отправят на вскрытие, обнаружат патологию и выдадут соответствующее свидетельство, только никому не надо его показывать, говори про синдром детской смертности – просто и загадочно.

- А где будет Ляля?
- Отвезу ее в надежное место.
- Какое?

Ежи улыбнулся:

- У меня есть родная сестра, Евдокия.
- Ты никогда не говорил про родственников, – изумилась Ася.

Ежи пожал плечами:

- Ты не спрашивала. Дуся – монашка.
- Кто? – продолжала поражаться Аська.

– Монашка, – повторил любовник, – живет в Подмоскowie, в селе Тартыкине, там женская обитель, совсем небольшая. Женщины содержат приют для бездомных ребятишек, и появление еще одной девочки не вызовет ни у кого удивления. Можешь быть абсолютно спокойна: место хорошее, за детьми великолепно присматривают, кстати, сестры принимают только совсем маленьких, до шести лет. Как только ребенок достигает школьного возраста, они передают его в другую обитель. Соглашайся, это единственный шанс нам быть вместе. Давай без колебаний. Ты хочешь быть со мной и Лялей? Пойми, судьба посылает нам уникальный шанс! Больше такого не будет.

- Но как Милена объяснит всем отсутствие девочки?

Ежи махнул рукой:

– Муж в курсе, а больше никто ничего не заметит. Живут они уединенно, ни с кем не общаются. Ну же, не бойся!

И Аська дала согласие. В конце концов, это была единственная возможность обрести счастье с любимым человеком и дочерью.

Первая часть задуманной операции прошла без сучка и задоринки. Ежи привез тело ребенка в свою квартиру, Аська позвала меня в гости и устроила спектакль.

– Значит, про неприятности на работе ты выдумала? – хмуро уточнила я, не к месту припомнив, что Ежи велел Бабкиной позвать в гости самую болтливую подружку.

Ася кивнула.

- А где была Ляля, пока по дому ходили врачи?

Бабкина всхлипнула:

– Ежи дал ей совершенно безобидное лекарство, сначала мы хотели положить Ляльку у него в квартире, но я испугалась, вдруг она все же проснется. Поэтому сунули девочку в кровать к Розалии Никитичне и прикрыли с головой одеялом. Если помнишь, Ежи принес Сергею капли от сердца, так в стаканчике на самом деле было сильное снотворное. Когда Сергей заснул, мы отнесли Лялю в машину, и Ежи повез ее в Тартыкино.

- погоди, – подскочила я, – ты хочешь сказать, что Розалия Никитична в курсе аферы?

- Ну да, – кивнула Ася, – ей очень нравится Ежи и совершенно не по вкусу Сергей.

Не успела я переварить невероятную информацию, как на меня обрушилась новая порция ошеломляющих сведений.

На следующий день после поминок Ася подхватила и поехала в Тартыкино навестить Лялю. Матушка Евдокия встретила ее приветливой улыбкой.

- Что желаете?

Аська принялась объяснять суть дела.

- Я мать той девочки, которую привез ваш брат Ежи. Как она?

- Кто? – удивилась монашка. – Простите, я не понимаю.

– Ежи повез ее сюда еще в начале недели, – забормотала перепуганная до последней стадии Бабкина, – мою дочь, Лялю.

- Брат не был у меня, – покачала головой Евдокия, – давно не появлялся.

Еле живая от ужаса, Ася кинулась назад. Весь день, ночь и следующие сутки она пыталась найти Ежи, но тот словно сквозь землю провалился. В квартире его не было, на работе спокойно отвечали:

– Ежи Варфоломеевич взял десятидневный отпуск.

Представляете, что пережила несчастная Аська, бегая на каждый телефонный звонок и державшаяся от любого шороха за стеной?

Через день до нее внезапно дошло, что сосед никогда ничего о себе не рассказывал. Ася не знала о его друзьях, о прошлой жизни и была не в курсе, имеются ли у любовника родители и бывшая жена. Ослепленная любовью, Бабкина просто-напросто забыла как следует расспросить любовника, а тот сам не стал откровенничать. Оставалось лишь ждать, когда Ежи появится дома, но шло время, а он не показывался. Ася дошла до ручки, она не могла ни есть, ни пить, а главное, рассказать кому-нибудь, что стряслось. В милицию, сами понимаете, было не обратиться. Розалия Никитична, как могла, утешала ее:

– Успокойся, дорогая, это очень хорошо, что Ежи нет.

– Почему? – всхлипывала Аська, сидя у бывшей свекрови на кровати.

– Наверное, ему что-то помешало отвезти Лялю в обитель, и он отправил ее в другое тайное место, – объяснила пожилая женщина, – и сам остался с девочкой.

– Но он не звонит!

– Может, там нет телефона!

– У него мобильный! Только он выключен!

Розалия Никитична на секунду растерялась, но быстро нашлась:

– Небось потерял трубку.

Бедная Аська от безнадёжности поверила пожилой даме и села возле телефона, но тот словно умер.

На следующий день около двенадцати часов из квартиры Ежи донеслись громкие звуки, после там кто-то двигал мебель.

Обрадованная Ася кинулась к Ежи и стала нервно звонить в дверь. Она распахнулась не сразу. Бабкина, уже собравшаяся заорать: «Где Лялька?» – осеклась и отступила назад.

На пороге вместо улыбающегося, хорошо одетого любовника стоял довольно мрачный парень в мятых брюках.

– Вы кто? – отрывисто спросил он.

– Соседка, – растерялась Ася, – а где Ежи?

– Вы хорошо знали покойного? – поинтересовался юноша и посторонился. – Входите.

– Как – покойного? – оторопела Ася. – Почему? Вы с ума сошли? Ежи совсем молодой!

– Так умереть можно в любом возрасте, – философски заметил парень.

Ася, словно сомнамбула, вошла в хорошо знакомую комнату и опустилась на диван. Два мужика, просматривающие шкаф, оглянулись. Аська тупо смотрела на них, потом спросила:

– Что случилось с Ежи?

– Он покончил с собой, – спокойно ответил один из рывшихся в шифоньере дядек, – повесился.

– Где? – продолжила бормотать Ася. – Почему? Зачем?

– Да тут, – объяснил парень, впусивший Асю, – в туалете, на трубе. А уж почему, одному богу известно.

– На трубе? – прозаикалась женщина.

– Да вы не волнуйтесь так, – миролюбиво протянул юноша, – не бойтесь, тело уже унесли.

Ася хотела встать, но не смогла, ноги подкосились, тело стало свинцовым, голова чугунной.

Очнулась Аська в больнице, в палате реанимации, и, едва придя в себя, потребовала вызвать Виолу Тараканову.

ГЛАВА 6

Когда она договорила последнюю фразу, я уставилась на нее. Мозг отказывался верить услышанному. Все-таки у Аськи был инфаркт, наверное, у таких больных нарушается и умственная деятельность. Может, Бабкина обчиталась детективов, до которых она большая охотница? Ей-богу, все рассказанное звучит как дурацкая криминальная история.

– Вилочка, – пробормотала Ася, – сколько лет мы знаем друг друга?

Я мигом ответила:

– Всю жизнь, я дня без тебя не помню.

И это правда. Мы познакомились в яслях. Вернее, глагол «познакомиться» тут употреблять неуместно. Когда моя родная маменька бросила папеньку и исчезла в неизвестном направлении, бедный Ленинид сначала растерялся. Впрочем, его трудно осудить. Не всякий мужчина сообразит, как следует поступить с младенцем, оставшись с ним один на один. Папенька отволок меня в ясли, куда я благополучно ходила до трех лет, и потом плавно перебралась в детский сад и школу. Вместе со мной этот же путь проделывала и Аська. Она тоже из неполной семьи, но только от нее убежал отец. Впрочем, моего папашку тоже скоро унесло бог знает куда, и я осталась с мачехой Раисой. Аськина же мать больше замуж не выходила.

– Ты моя самая преданная подруга, – шептала Ася, – помоги, найди Лялю.

– Надо идти в милицию.

– Нет, – почти закричала Аська, – совершенно невозможно. Если Сережка узнает про задуманное, он со мной мигом разведется и отберет Лялю, нет, только тихо, никому не рассказывая. Вилка, умоляю!

Она попыталась сесть, но не сумела и закашлялась. Меня испугала синеватая бледность, медленно разливающаяся по ее лицу.

– Хорошо, хорошо, только успокойся! Ты можешь ответить на пару моих вопросов?

Аська кивнула.

– Кому ты рассказывала про обмен?

Подруга помотала головой.

– Ни одной живой душе.

– Даже маме?

– Я похожа на сумасшедшую?

Мои губы дрогнули в улыбке. На мой взгляд, Аська не просто похожа на сумасшедшую, она самая настоящая ненормальная со съехавшей крышей.

– Мама бы сразу кричать начала, – пояснила Ася, – ей же много лет.

Аська демонстрировала редкостное отсутствие логики. Насколько я помню, Анна Васильевна не так давно справила шестидесятипятилетие, она намного моложе Розалии Никитичны, которая была в самом центре аферы.

– Может, твоя бывшая свекровь разболтала подружкам?

Аська пробормотала:

– Розалия – могила, кладбище секретов. И потом, она же никуда не выходит, ни с кем не встречается.

Я уставилась в окно. Если господь хочет наказать человека, он отнимает у него разум. Никуда не ходит, ни с кем не встречается... А телефон? Розалия Никитична болтает по нему сутками, просто висит на проводе. Где гарантии, что она не поделилась с кем-нибудь потрясающим секретом? Хотя если бы Ляльку украли, то похититель потребовал бы выкуп, непонятно почему негодяй решил обогатиться за счет Бабкиной. И Ася и Сережа достаточно хорошо зарабатывают, но этих денег семье едва хватает на жизнь. Никаких особых накоплений у них нет.

– Вилочка, – забормотала Аська, – ты сумеешь, ты умная, ловкая, тебе все всегда удавалось, ты в нашем классе самая замечательная была. У тебя муж в милиции служит...

Ну не дура ли? Умение расследовать детективные ситуации не передается половым путем, это же не СПИД и не гонорея!

– Милая, любимая, – бубнила Ася на одной ноте с остановившимся взглядом, – найди мне Лялю, живую или мертвую, мне бы только взглянуть на нее, а то все время думаю, вдруг девочку мучают или на органы разделяют...

У изголовья кровати запищал какой-то прибор, в палату вошел доктор.

– Вам лучше уйти, – сказал он.

Я послушно повернулась к двери.

– Нет, – крикнула Аська. – Вернись!

– Подождите, – велел доктор, – зря вы ее так разволновали. Кабы знал, что ее до такого состояния доведете, не пустил бы ни за какие пряники!

Аська прошептала:

– Наклонись.

Я нависла над ее сине-бледным личиком и почувствовала резкий запах лекарств.

– Если не станешь искать Ляльку, – прошелестела подруга, – покончу с собой, накоплю снотворных таблеток и съем да записку оставлю: «В моей смерти виновна Виола Тараканова». Живи потом дальше с этим камнем на шее.

Если бы Аська была здоровой и произнесла эти слова, сидя на кухне, она мигом бы получила от меня пощечину и твердо сказанное:

– Нет! Если хочешь, травись! В том, что случилось, никто, кроме тебя, не виноват!

Но Бабкина находилась в реанимации, голос ее срывался, руки дрожали, ей было очень плохо, что извиняло ее беспардонность и хамство.

– Я умру, – словно заклинание, повторяла Ася, – умру, если ты не сможешь, непременно умру.

– Хорошо, я сделаю, что смогу, только не нервничай.

Аська прищурилась.

– Ладно, а теперь повторяй за мной. Пусть Тамарка попадет под машину, если не найду Лялю.

– С ума сошла! – вскипела я.

Вот мерзкая баба! Аська слишком хорошо меня знает, она понимает, что я никогда не нарушу подобную клятву. На собственное здоровье и безопасность могу наплевать, но не стану рисковать жизнью Тома.

– Не хочешь, – просвистела Аська, – вот ты какая! Моя жизнь для тебя ничто! Так и знай, умру!

– Хорошо, – со злостью сказала я.

Терпеть не могу, когда мне выкручивают руки. До сегодняшнего дня Ася никогда так себя не вела. Но, с другой стороны, у нее до сих пор в жизни не случилось таких неприятностей. Не считать же грызню с мужем несчастьем.

– Хорошо, – повторила я, – если тебе от этого станет легче, пожалуйста! Пусть я попаду под машину, если не найду Лялю!

Аська откинулась на подушку, по ее лицу разлилось умиротворение. Я пошла к двери.

– Стой, – донеслось из-за спины.

Я обернулась.

Ася, снова бело-синяя, с мрачно горящими глазами, торжественно произнесла:

– Не забудь, ты поклялась.

– Не волнуйся, – ответила я и собралась уходить.

– Погоди!

– Что еще?

– Видела когда-нибудь тело того, кто погиб под колесами? Имей в виду, это жуткая смерть! Помни о клятве, ты не можешь теперь меня обмануть! – пригрозила Ася.

Не говоря ни слова, я вывалилась в коридор. В душе боролись самые разнообразные чувства. С одной стороны, безумно хотелось отдубасить подругу, надавать ей зуботычин, с другой, было жалко глупую Аську, влипшую в невероятную историю. И еще Ляля! Вдруг ребенку грозит опасность. Аська сгоряча ляпнула про разборку на органы, но я-то знаю, что эта страшная вещь и впрямь может случиться с девочкой, хотя оказаться в руках у педофила еще хуже...

В полном смятении, с мыслями, разбегающимися в разные стороны, я отправилась домой. Олег небось опять явится за полночь, забьюсь в кровать и пораскину мозгами спокойно, приму ванну, лучше всего мне думается в теплой воде.

Мечтая о том, как погружусь в ароматную пену, я открыла дверь, споткнулась о нечто, стоящее почти на пороге, и ахнула. Весь коридор был заставлен коробками и завален узлами.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – заорала я. – Что у нас происходит? Мы переезжаем?

В ответ – тишина. В полном недоумении я отправилась в ванную мыть руки и обнаружила там еще пару полосатых сумок и маленького мальчика лет шести, самозабвенно пускавшего кораблики.

– Ты кто? – совсем растерялась я.

– Ваня, – ответил ребенок, расплескивая в разные стороны воду.

– В гости пришел?

– Нет, живу тут.

– Где?! В ванной?

– Не-а, в комнате.

Окончательно обалдев, я вошла в кухню и увидела около плиты толстую бабульку в ярко-синем байковом халате. Огромной вилкой старуха перевернула на сковородке отвратительно жирный кусок мяса и заорала:

– Ваняша, топай жрать!

Послышался легкий стук, и мальчик, мокрый с головы до ног, влетел на кухню. Не говоря ни слова, он влез на стул. Бабка грохнула перед ним тарелку, доверху набитую толстыми, как бревна, макаронами. На вершине горы покачивалась свиная отбивная. Светлое мясо обрамлял толстый слой сала. На мой взгляд, не лучший ужин для ребенка.

Мальчик схватил бутылочку с кетчупом, вытряхнул густую красную массу на макароны, уцепил жирный кусок пальцами и, игнорируя положенную возле тарелки ложку, принялся быстро-быстро жевать. Впрочем, я на его месте поступила бы точно так же. Попробуйте-ка подцепить чайной ложечкой макароны и отбивную, живо поймете, что лучше есть мясо руками!

Ни бабка, ни внучок не обращали на меня никакого внимания, вели себя так, словно находились одни. Я тихонечко вышла на лестницу и посмотрела на дверь снаружи. Может, я ошиблась и попала не в свою квартиру? Но нет! Получалось, что я живу тут вместе с непонятной парочкой и в окружении узлов.

– Чего стоишь? – раздалось сзади.

Я обернулась. Олег, потный и красный, выходил из лифта, держа в руках огромную коробку. Судя по доносившемуся звяканью, в таре находилась посуда.

– Ты дома?!

Олег, отдуваясь, поставил короб на пол, вытащил сигареты и ответил:

– Пока нет, ты же видишь, я стою на лестнице, но, вероятно, через пару минут окажусь внутри квартиры.

Я облокотилась о перила. Олег медленно, но верно превращается в зануду. Может, у него начинаются необратимые старческие процессы в мозгу? Хотя, скорей всего, отпечаток наложила профессия. Попадались ли вам на глаза когда-нибудь милицейские протоколы? Знаете,

там никогда не пишут: на шее золотая цепочка, а в бутылке вода. Нет, менты поступают по-другому, данная фраза на их суахили прозвучит так: на шее цепочка из желтого металла, похожего на золото, в бутылке жидкость без цвета и запаха, предположительно вода. Даже если на месте преступления обнаружат наглухо закрытую заводской пробкой бутылку боржоми, в протокол внесут: «Поллитровая стеклянная емкость с этикеткой «Боржоми», внутри бесцветная жидкость, похожая на воду».

В конечном итоге это правильно, выводы должны делать не оперативники, а эксперты и следователи. Но, общаясь таким образом на работе, Олег приходит домой, где продолжает разговаривать таким же диким образом.

На вопрос: «Купил свежий батон?» – он преспокойно отвечает: «На первый взгляд да, но точную дату выпечки не назову».

Позавчера он довел нас с Томочкой до нервной икоты. Мы купили новый кран на кухню, такой, который следует поднимать и поворачивать в разные стороны, чтобы добиться нужной температуры воды. До сих пор у нас был самый обычный смеситель, и мы с Томуськой принялись крутить новинку и обсуждать ее качество. Олег спокойно пил кофе. В какой-то момент он оторвался от чашки и задумчиво сообщил:

– У меня есть кое-какие предположения в отношении данного агрегата.

Мы с Тamarочкой повернулись к нему.

– Видите сверху два кружочка: красный и синий? – продолжил мой муж.

– Да, – ответила я.

– Так вот, если повернуть рычаг в сторону красного, – невозмутимо произнес Олег, – из него, вероятно, потечет горячая вода.

Пару секунд стояла тишина, потом Томуська, давась от рвущегося наружу хохота, пробормотала:

– Кажется, Никитка заплакал, пойду проверю.

Я посмотрела на Куприна, продолжавшего с довольным видом вкушать кофе, и не утерпела:

– А у меня имеется не предположение, а уверенность.

– В чем? – спросил Олег.

– Знаешь, если повернуть сей кран в сторону синего кружочка, из него стопроцентно хлынет холодная вода!

Какое-то мгновение Куприн пялился на меня, потом резко встал и спросил:

– Издеваешься, да? Дураком мужа считаешь?

– Кто, я?

– Ты, ты.

Обиженно сопя, он пошел к двери, но на пороге обернулся и возвестил:

– Кстати, насчет стопроцентно льющей холодной воды ты дала маху.

– Это почему?

– А вдруг в бойлерной авария? Тогда вместо ожидаемой струи из трубы понесется только свистящий звук. Никогда ни в чем нельзя быть уверенным на все сто.

Я не нашлась что возразить, отчего-то при подведении окончательного итога мой муж всегда оказывается прав.

– Что у нас происходит, – налетела я на Олега, – откуда эти коробки? Только не говори, что опять прибыли гости. По горло сыта твоими родственниками.

– Еще и спрашивает! – сморщился Олег. – Сначала устраивает безобразие, а потом злится.

– Я? Что я устроила?

– Да это все.

– Что?

– Ты виновата, – бубнил Куприн, гася о перила окурок, – ну кто унесся из дома, забыв закрутить кран? Из-за кого затопило Рымниных?

В то же мгновение в голове прояснилось. Значит, на нашей кухне ужинают сейчас Ванька, сын Марины, и ее мамаша, баба Клава. Бабку я давно не видела, вот и не узнала, а Ваня, как все дети, быстро растет и изменяется.

– Маринке придется делать ремонт, – спокойно пояснял муж, – дело дорогое, хлопотное, к тому же мы тут виноваты.

– Да у Рымниной и без нас потолок на пол падал, – возмутилась я, – а обои лохмотьями висели! Маринка ни разу квартиру в порядок не приводила, как въехала, так и живет.

– Оно верно, – вздохнул Олег, – только приходила комиссия из домоуправления и констатировала – повсюду протечки, паркет вздут, штукатурка обвалилась. Нам ремонт оплачивать.

– Да Маринка просто воспользоваться ситуацией!

– Похоже, что так, но нам от этого не легче, – заметил муж. – Марина и впрямь не растерялась. Она не только комиссию из домоуправления вызвала, но еще и обратилась в ремонтную контору. Знаешь, какую сумму насчитали! Одна новая проводка бешеных денег стоит!

– При чем тут проводка?!

Куприн вытащил новую сигарету и облокотился на перила.

– Так комиссия проводила экспертизу. Все чин-чинарем, с подписями трех членов и печатью. Из-за протечки старая проводка пришла в негодность.

Я просто онемела от возмущения. Ну Рымнина, вот ловчила! Решила провернуть за наш счет капитальное обустройство квартиры. Все понятно, поставила членам комиссии бутылку, вот и подписали они нужный документик.

– Прибавь сюда еще деньги на съем квартиры...

– Какой?

– Маринка справки приложила. У нее сын-аллергик, мать-инвалид, они не могут дышать штукатуркой и краской, следовательно, требуется вывезти их в удобное место.

Я только хлопала глазами. Молодец, Маринка, у таких людей нужно поучиться, все предусмотрела. Ребенок-аллергик! Да Ванька только что на моих глазах трескал свиную отбивную, заливая ее кетчупом! Кстати, и бабуся-инвалид достаточно шустро передвигается по нашей кухне.

– Оно, конечно, – протянул Олег, – можно было подать на нее в суд, только проиграем дело.

– Это почему?

– Маринка – мать-одиночка, малооплачиваемая женщина, имеющая на руках двух иждивенцев. А у нас Семен – издатель, ты – журналист, я работаю в органах. Одним словом, сплошные богатеи и взяточники. Угадай, на чьей стороне будет судья? Даже и заводиться не стоит!

– Но ты не берешь взяток, а у Сени сейчас большие проблемы, все его деньги вложены в дело, мы очень скромно живем! – возмутилась я. – А Маринка, несмотря на крохотный оклад, щеголяет в новой шубе!

Олег махнул рукой:

– Никому ничего не докажешь! На мой взгляд, Ленинид придумал правильно.

– И какая замечательная идея пришла в голову папеньке? – вздрогнула я.

Ленинид способен на многое!

– Да он предложил, на наш с Семеном взгляд, отличный выход, – пояснил супруг, потягиваясь. – Марина, Ваня и Клавдия Васильевна переезжают к нам, тем самым мы избегаем трат на съем квартиры. Неудобств никаких, лишняя комната есть, к тому же нас целыми днями нет дома.

Я постаралась сдерживать рвущееся наружу негодование. Все правильно, Олег и Семен всегда отсутствуют, даже субботу и воскресенье мужики предпочитают проводить на работе, но,

между прочим, в квартире проживают еще Томочка с грудным младенцем, Кристина и я. Нас-то почему не спросили? Может, мы не хотим толкаться на одной кухне с противной бабой Клавой?

– Вещи их тоже пока у нас постоят, – как ни в чем не бывало сообщил Олег.

– Что еще придумал папашка? – прошипела я. – Между прочим, ремонт дело долгое.

– Да нет, – отмахнулся Куприн, – у Римниных жилплощадь маленькая, наша-то квартира из двух соединена. Еще хорошо, что не Костюковых залили, вот там бы пришлось повозиться! А здесь ерунда, Ленинид за месяц сделает.

– Как – Ленинид! – подскочила я.

– Так он сам предложил, – попятился Олег, – сказал: «Ну зачем чужим платить, мы с Петрухой живо в порядок фатерку приведем». Ладно, недосуг болтать, там еще столько коробок!

Вздыхнув, он поднял картонный ящик и исчез в квартире. Я стояла, привалившись к перилам. Добро пожаловать в сумасшедший дом, господа! Значит, нам на голову сваливаются Маринка, Ванька, баба Клава, да еще прибавьте сюда узлы, коробки, пакеты. Интересно, мебель тоже приволокут? И благодарить за «удачное» решение проблемы следует скупердяев Сению и Олега, которые пожалели денег на ремонт и наем квартиры. Естественно, всем будет жутко неудобно, начнутся скандалы, а виноватой сделают меня. Возразить что-либо я не смогу, потому что и впрямь забыла закрыть злополучный кран.

Следующее утро началось с дикого вопля:

– Не хочу, не пойду, а... а... пусти!

Испуганная, я вылетела в коридор и увидела Марину, которая пыталась застегнуть на орущем Ваньке куртку.

– Что случилось?

Маринка повернула ко мне красное, злое лицо.

– Вон, выкобенивается! В садик идти не хочет.

– Нет! – зашелся Ванька. – Там Марь Андреевна тряпкой дерется!

– Еще как отправишься, – рявкнула мать и, ухватив сыночка за плечи, принялась трясти его, словно бутылку с кефиром, – мигом полетишь, спиногрыз!

Голова мальчика болталась на тоненькой шее, но Ванька упорно орал:

– Нет, нет, нет!

– Оставь его дома с бабкой Клавой, – предложила я, – может, в садике плохо, видишь, как он расстраивается.

Маринка наконец-то застегнула на Ваньке одежду. Отдуваясь, она сообщила:

– Ежели этот бандит тут денек проведет, вы в больницу попадете.

С этими словами она выскочила на лестницу, таща за собой упирающегося изо всех сил Ваняшу. Я пошла умываться и наткнулась на бабу Клаву, одетую в невероятно розовые панталоны и атласный лифчик.

– Увели ирода? – поинтересовалась она, шумно сморкаясь.

Я не ответила и ушла к себе. Все понятно, следует как можно меньше бывать дома. Да у меня и возможности нет, чтобы валяться на диване, надо начинать искать Ляльку.

Первый звонок я сделала Розалии Никитичне. Трубку снял Андрей.

– Алло, – процедил он.

– Позови маму.

– Это кто?

– Вилка, не узнал?

– Чего в такую рань звонишь? – недовольно протянул бывший муж Аськи. – Ни свет ни заря людей будишь!

– Так десять уже!

– Самый сон, – возразил Андрей, – что за спешка?

– Розалия Никитична дома?

– Издеваешься, да? Куда ж ей деться!

– Тогда я сейчас приеду.

Андрей продолжал бубнить что-то в трубку, но я уже отсоединилась и понеслась одеваться.

Оказавшись на улице, я пожалела, что не вытащила с антресолей сапоги на меху. Холод наступил невероятный, правда, градусник показывал всего минус один, но мне показалось, будто на дворе тридцать градусов мороза. Порывистый ветер сбивал с ног, в лицо летела колючая крупа, ноги разъезжались на замерзшей грязи. Продрогнув до костей, я ввалилась в квартиру Розалии, мечтая о чашечке обжигающего кофе. Но стоило переступить порог, как стало понятно: на угощение нечего рассчитывать. За широкой спиной Андрея маячила Светка.

– Чего надо? – хмуро спросила она.

Я решила не сдаваться сразу и широко улыбнулась:

– Добрый день! Какой халатик на тебе красивый, глаз не оторвать. У Аси похожий был, ей Сережка его подарил!

Света фыркнула и исчезла. Андрей нахмурился:

– Подумаешь, надела Аськину хламиду, и что? Не тащить же сюда все вещи! Света, между прочим, устала, целыми днями к Розалии бегаешь, а та капризничает: этого не хочу, то не буду!

Я повесила куртку в шкаф и отбила мяч:

– Аська о твоей матери уже много лет заботится.

– Всего два года! – возмутился Андрей.

– Так ведь не неделю, как Света!

– Уже десять дней!

Честно говоря, Андрей начал меня раздражать. Я сунула ноги в домашние тапочки и отрубилась:

– Не дергайся, я пришла в гости не к вам, а к Розалии, Света может не суетиться и не накрывать праздничный стол. Аська поправляется, скоро вернется домой, и ты опять спихнешь ей на плечи свою парализованную мать.

– Она может ходить, только не хочет!

Не обращая внимания на реплики Андрея, я подошла к двери спальни Розалии и постучала. Ответа не последовало. Я повторила попытку и, не добившись результата, потянула створку на себя.

– Можно?

В комнате царил темнота, сквозь задернутые плотные шторы не проникал ни один луч света. Розалия Никитична, очевидно, приняла на ночь снотворное и теперь мирно почивала в пуховых одеялах. Этак она и до обеда продрыхнет, но мне недосуг ждать.

Поколебавшись пару секунд, я вошла в спальню, задернула шторы и повернулась к хозяйке. Крик застыл в горле. Пожилая дама лежала на спине, голова ее, с широко раскрытыми глазами и разинутым ртом, покоилась на большой подушке с кружевной наволочкой, сухонькая морщинистая рука, странно маленькая для грузного тела, безвольно свисала почти до полу.

Стараясь не заорать, я выпала в коридор, добрела до кухни и плюхнулась на табуретку.

– Уже уходишь? – любезно поинтересовалась Светка, продолжавшая щеголять в Аськином халате. – Скатертью дорога.

– Выпей чаю, – предложил более совестливый Андрей, – с тортом.

Не успел муж протянуть руку к картонной коробке, как жена мигом схватила ее и пихнула в холодильник.

– Ты чего? – удивился он.

– Торт несвежий, – объяснила свои действия супруга.

– А я только что ел... – пробормотал Андрей, – ничего показался.

– Розалия Никитична умерла, – сказала я.

– Может, крем очистить? – продолжил Андрей, потом осекся и уставился на меня. – Ты чего городишь?

Светка выскочила из кухни. Поднялась суматоха. Пока Андрей звонил в «Скорую помощь», я еще раз заглянула в спальню покойной и увидела Свету, беззастенчиво рывшуюся в большом комод.

– Ты что делаешь? – возмутилась я.

– Бинт ищу, – совершенно спокойно сообщила наглая баба, – челюсть подвязать надо, а то потом так с разинутым ртом в гроб и положим.

– Иди отсюда.

– Еще чего!

Я схватила Светку за рыхлые плечи и стала подталкивать к выходу.

– С ума сошла, – заорала та, – между прочим, я у себя дома!

Мы со Светкой находимся в разной весовой категории, из ее тела запросто получится два моих, но вторая жена Андрюшки любит проводить свободное время у телика с пакетом чипсов или орехов, поэтому ее кости обтянуты не тугими мышцами, а салом. Я же ношусь целый день по городу и редко принимаю сидячее положение, к тому же все детство провела с мальчишками во дворе, отстаивая свой авторитет в драках. Очевидно, знания кулачного боя не ржавеют, потому что я мигом стукнула Светку под коленки и вытолкала гору жира в коридор. Потом повернулась к Розалии Никитичне и сказала:

– Может, это и правда, что после смерти в комнате остается энергетическая оболочка человека, тогда прошу извинения за свое хамское поведение. Насколько понимаю, вы очень любили Асю и терпеть не могли Свету, поэтому мне придется сделать еще один некрасивый поступок.

С этими словами я открыла комод и вытащила бархатные коробочки, в которых Розалия хранила свои украшения. У пожилой дамы имелись отличные броши и серьги, ее покойный муж знал толк в драгоценностях и старательно покупал их жене. Запихнув драгоценности в сумку, я снова повернулась к телу Розалии:

– Квартира завещана Аське, бумажку эту, с печатями, я тоже прихватчу с собой. Не волнуйтесь, как только Ася выйдет из больницы, передам ей все до нитки. У меня вещи целей будут, а тут их Светка сопрет.

Пожилая дама молча смотрела в потолок. Я пошла к двери, но на пороге обернулась и сказала:

– Прощайте, вы мне всегда очень нравились, жаль, не успела сказать этого раньше. Хотела сегодня поговорить о Ежи, да не судьба.

Внезапно раздался легкий стук. По непонятной причине с ночного столика упала маленькая телефонная книжка в красивом ярко-малиновом переплете. Я подошла к тумбочке, подняла вещицу и обнаружила, что она сама собой раскрылась на страничке, где было написано: «Ежи Отрепьев».

Сказать, что мне стало не по себе, это не сказать ничего. Сунув в карман книжечку, я попятилась к выходу и забормотала:

– Большое спасибо за помощь, желаю удачи и счастья в загробной жизни.

В коридоре никого не оказалось, я беспрепятственно донеслась до вешалки, надела куртку, сапоги и помчалась на улицу. Господи, неужели жизнь после смерти – это правда? Никогда не верила в подобную чушь, но сегодня по моим материалистическим взглядам был нанесен серьезный удар.

Очнулась я только в метро, села на скамейку и стала тупо наблюдать, как мимо носятся поезда. Надо поехать на работу к Ежи и попробовать порасспрашивать его коллег. Вдруг у него там имеются близкие друзья, с которыми он поделился секретом?

Розалия Никитична была крайне педантична. Бисерным почерком она записала на маленькой страничке все: станцию подземки, до которой следовало ехать, чтобы попасть в больницу, этаж, название отделения, даже отметила: «Войти со стороны площади». Бог весть зачем почти обездвиженной даме понадобились эти сведения, скорее всего, из природной аккуратности. Я не поленилась и перелистала книжечку, так же обстоятельно, с детальными подробностями в нее оказались занесены и координаты всех остальных знакомых.

Вход в клинику охранял дряхлый дед, одетый в черную форму. На груди у него золотом горел знак «Охранное агентство «Ястреб».

– Пропуск, – грозно сказал секьюрити и закашлялся.

Я сделала самую простецкую морду и приготовилась зануть, но тут зазвонил телефон. Бравый вояка ухватил трубку и сообщил:

– Охрана. Хомяков. Здравия желаю, Петр Семенович. Кто прийти должен? Федекина Е.С.? Пушу непременно, не сомневайтесь, вы знаете, я всегда на посту.

Повесив трубку, дедуська уставился на меня блеклыми глазами.

– Пропуск.

– Нету.

– На нет прохода нет.

– Очень надо.

– Не положено, терроризм в городе, вдруг ты пособница чеченцев и замыслила нашу больницу взорвать? – на полном серьезе заявил дед.

– Как же продукты родственнику передать?

– На то часы отведены специальные, с семи до девяти вечера, – пояснил охранник.

Да уж, руководство клиники отличается умом и сообразительностью. По их мнению, во время, предназначенное для посещений, никто и не подумает протащить в здание взрывчатку. Но не говорить же это полубезумному дедушке, который изображает из себя Брюса Уиллиса.

– Посмотрите по списку, моя фамилия Федекина, Федекина Е.С.

Дедуська расцвел в улыбке.

– Только что Петр Семенович звонили, проходи, второй этаж, кабинет двести пятнадцать, иди, иди, не тушуйся, хороший доктор, не то что другие.

Я проскользнула сквозь железные воротца и не сдержала любопытства:

– Простите, а каких хомяков вы охраняете?

Старик поднял очки на лоб:

– Чего говоришь? Не пойму.

– Ну вы сняли трубку и ответили: «Охрана хомяков».

– Фамилие мое такое, – объяснил секьюрити, – Хомяков, вот и сказал, как положено: «Охрана, Хомяков». Никак в толк не возьму, чего тебе надо, а?

Стараясь не расхохотаться в голос, я пошла быстрым шагом по обшарпанному коридору к лифтам. Путь лежал на восьмой этаж в отделение кардиологии.

В ординаторской нашлась только одна тетка, быстро писавшая что-то в толстой тетради. Услышав мои шаги, она подняла голову и довольно вежливо спросила:

– Вам кого?

– Ежи Варфоломеевича Отрепьева.

– Он уволился! – мигом ответила тетка.

Я удивилась до крайности. Честно говоря, я ожидала, что докторица всплеснет руками и воскликнет:

– Боже! Вы не знаете! Такой кошмар!

Но врач, даже глазом не моргнув, соврала.

– Как уволился? – возмутилась я.

– Просто, – пожала плечами лгунья, – нашел другое место.

– Где?

– Понятия не имею. Кто вас к нему отправил?

– В поликлинике по месту жительства бумажку дали.

– Имеете направление? Можете обратиться к любому врачу, завтра, с девяти утра, пожалуйста в приемный покой, вам дадут талон на госпитализацию.

– Но мне нужен Отрепьев!

– Ничего поделать не могу.

– Может, у него тут друзья имеются? Подскажут, как можно найти Ежи Варфоломеевича?!

Тетка уткнулась в бумаги, буркнув:

– Нам дружить некогда, с больными бы разобраться, если больше вопросов не имеете, прошу покинуть ординаторскую.

Поняв, что ничего не узнаю, я вышла в коридор и попыталась остановить кого-нибудь из людей в белых халатах, проносившихся мимо со страшно серьезными лицами.

– Я рентгенолог, – сообщил один, – про кардиологов ничего не знаю.

– Не работаю в этом отделении, – сказал второй.

– Средний медицинский персонал справок не дает, – отрезала женщина необъятной толщины, толкавшая перед собой пустую каталку.

Одним словом, все тут были неприветливые, малоразговорчивые и шарахались в сторону, заслышав фамилию Отрепьев. Потерпев сокрушительную неудачу, я дошла до самого конца коридора и увидела в небольшой нише у окна страшно расстроенную медсестру, почти девочку, с пустым эмалированным ведром в руках.

– Ты чего сопли льешь? – спросила я. – Обидел кто?

Существо в белом халатике, по виду чуть старше Кристины, вздохнуло:

– Тут все как собаки.

– У меня сложилось такое же впечатление, – улыбнулась я.

– Меня на практику прислали, из училища, – начала изливать душу девочка.

– Не повезло тебе.

– И не говорите. Сунули в руку тряпку и велели коридор мыть! Хороша практика! Да еще вечно недовольны, ругаются!

– Наплюй.

– Так в училище сообщат, что плохо работала, «два» поставят, стипендии лишат! Меня старшая все время идиоткой обзывает.

– Вера! – долетело из другого конца коридора. – Ну сколько можно воду набирать! Ленивая чертова!

– Вот, – с обидой пролепетала девочка, – сейчас опять скажет, что я дура. Может, и впрямь я умственно отсталая, но никак в толк не возьму, как эта штука работает.

И она ткнула пальчиком в большой никелированный цилиндр, стоявший у стены.

Я усмехнулась. Сама долгие годы носилась с ведром и тряпкой, драя бесконечные полы. Титан, так называется эта вещь.

– Вот здесь, в самом низу, имеется кнопочка, нажмешь и быстро подставляй ведро, потечет кипяток.

– Хитро, – покачала головой Вера, – никогда ничего подобного не видела.

– Очень старый агрегат, теперь таких не выпускают. Даже странно, что он еще где-то сохранился.

– А тут все такое, допотопное, – хихикнула Вера, отрывая от пола ведро.

– Болтаешь без остановки, а работа стоит! – заорала толстая баба, та самая, которая только что толкала каталку. – А ну, шевелись, лентяйка. А вы чего хотите?

Вера покраснела, глаза ее наполнились слезами, мне стало жаль девочку.

– Я ее тетя, адвокат по профессии. Вы знаете, что несовершеннолетних нельзя заставлять полный день работать?

Старшая медсестра осеклась, потом осторожно сказала:

– Вы родственница Веры?

– Ближайшая, если не расслышали, повторю: я работаю адвокатом. Кстати, по нормам труда подросток не должен таскать тяжеленные ведра.

Бабица расплылась в улыбке. Правда, приветливей от этого ее лицо не стало, наверное, так пытается проявить любезность тигровая акула.

– А Верочку никто и не заставляет, она у вас просто очень старательная! Такая расторопная, сообразительная...

– Это поэтому вы ее называете «лентяйка чертова»? – хмыкнула я.

– Что вы, – деланно возмутилась тетка, – кто сказал подобную глупость?

– Сама слышала пару секунд назад, вы кричали из коридора: «Ну сколько можно ведро набирать, лентяйка чертова!»

Медсестра растерянно захлопала глазами, потом нашлась:

– Господь с вами, это я техничку нашу распекала, никогда не уберет нормально! Ты, Верочка, оставь ведро и ступай с тетей домой, хватит уж, и так засиделась.

Вымолвив последнюю фразу, медсестра исчезла. Вера грохнула ведро о пол.

– Ну спасибо! Здорово вы ее напугали! Откуда вы знаете-то про всякие нормы и законы? Неужели адвокатом работаете?

– Да нет, я работаю в журнале, статьи пишу на криминальные темы, просто не так давно передачу по телику посмотрела, там как раз речь о детском труде шла, вот и запомнила кой-чего. А ты давно тут практику проходишь?

– Третий месяц мучаюсь, – вздохнула Вера, – нашим девчонкам всем повезло, в такие интересные места попали, а я в отстойник угодила. Вы сами сюда зачем? Если, не дай бог, заболели, то бегом скачите прочь. Здесь лишь один доктор умный был, да и тот помер, Ежи Варфоломеевич, остальные идиоты.

Я схватила Веру за руку.

– Ты его знала?

– Конечно, а как же!

– Здесь есть столовая?

– Буфет на втором этаже.

– Пошли выпьем кофе.

– Не люблю его, он горький, – покачала головой Вера.

Я потащила ее к лифту.

– Значит, куплю тебе чай или сок.

ГЛАВА 7

В небольшой комнатке, битком набитой народом, с трудом нашлось свободное местечко. Мы с Верой протиснулись за крохотный столик у окна, и девочка спросила:

– А зачем вам Ежи Варфоломеевич?

– Ты сказала, что он умер, не знаешь, какова причина его смерти?

Вера хмыкнула.

– Еще бы не знать! Тут все отделение только об Отрепьеве и говорит! Он с собой покончил, из-за Риты.

– Из-за кого?

– В больнице работает Маргарита Федоровна, на рентгене. У них такой роман был! Все прям обзавидовались! Ежи Варфоломеевич цветы ей охапками носил! Так красиво! И вот что вышло!

– Зачем бы ему из-за женщины лишать себя жизни, – пробормотала я, – ведь не мальчик. Кстати, он же жил холостяком, мог вполне на ней жениться. Очень странно! Небось отношения у них еще прошлой зимой прервались, а повесился он совсем недавно!

– Да вы что, – замахала руками Вера, – какая зима! Меня в то время тут не было совсем! У них такая любовь осенью творилась! Жуть! Только Рита замужем, супруг у нее из богатых. Наши тут болтают, что ее вполне такая ситуация устраивала: дома старый козел, но с большими деньгами, а на работе молодой ухажер. Смешная штука приключилась не так давно!

– Какая?

Вера хихикнула.

– Рентген когда-нибудь делали?

– Конечно.

– Тогда знаете, что кабинет, если аппарат работает, всегда закрывают. Значит, пришел наш больной к Рите, дернул створку и сел в коридоре. Десять минут прошло, двадцать... На стульях очередь... Решили, что Риты нет. Один, самый нетерпеливый, побежал жаловаться заведующему. В общем, распаивается дверь, и появляется Ежи Варфоломеевич! Но в каком виде! Халат наизнанку, шнурки развязаны... Цирк! А в коридоре толпа злых больных и заведующий...

Вера засмеялась.

– Сама не видела, но Лена Плющева при этой сцене присутствовала! Чуть не описалась от смеха! Ежи Варфоломеевич быстренько к лифту шмыганул, а заведующий давай Риту убивать. Правда, в кабинете. Но он так орал, что сквозь свинцовую дверь слышно было.

– Уволю! Проститутка! На рабочем месте!

Я встала.

– На каком этаже рентген?

– В подвале, – ответила Вера, – туда только грузовой лифт ездит, с носилками, ходячие по лестнице ползут.

Возле кабинета, где вела прием Маргарита Федоровна, сидела одинокая старушка.

– Тебе снимок делать? – поинтересовалась она. – Ступай тогда, нету никого.

– А вы?

– Уже, отдохнуть присела, – охотно пояснила бабушка.

Я вошла в огромную, гулкую комнату с наглухо задернутыми занавесками. В помещении было пусто и очень холодно. Посередине стоял железный стол, прикрытый тонкой простынкой в пятнах, над ним нависало нечто непонятное, большое, круглое и страшное. Представляю, как некомфортно ощущают себя тут больные люди.

– Больная, – раздался резкий голос, – идите сюда, налево.

Я пригляделась и, увидев небольшую дверку, толкнула ее. Мигом в лицо ударил свет, всю стену крохотного кабинета занимало окно. У письменного стола сидела очень красивая брюнетка. В ее облике всего было слишком. Чересчур черные волосы в невероятном количестве клубились на голове и падали пышными локонами на полные плечи. Огромные карие глаза, окруженные частоколом длинных, пушистых ресниц, занимали пол-лица, брови изгибались дугой, резко очерченный рот с пурпурными губами с успехом мог принадлежать королеве подиума. Впрочем, сама Маргарита Федоровна, не будь она слегка полноватой, запросто смогла бы демонстрировать на «языке» наряды. Уж не знаю, хороша она от природы или добилась безупречного внешнего вида, используя арсенал современных косметических средств, но ведь в конце концов важен результат, а не то, каким образом он достигнут.

Маргарита Федоровна окинула меня холодным взглядом и недовольно протянула:

– Больная! Тут кабинет врача, а не метро. Разве можно прямо в куртке и уличной обуви приходить на прием.

– Холодно очень, а рентген в подвале, – попыталась оправдаться я, – простудиться боюсь.

– У двери вешалка, – не сдалась Маргарита Федоровна, – и тапочки следует с собой приносить. Кстати, в коридоре висит объявление, читать надо! Все написано про то, в каком виде положено являться на рентген. Мы тут время тратим, лечим вас, лечим, а больные инфекцию на верхней одежде разносят. У вас что? Желудок? К обследованию готовы?

Маргарита Федоровна не понравилась мне совершенно.

– У меня сердце!

Рентгенолог изогнула безупречно красивый рот.

– Что?

– На сердце рана у меня, на сердце рана у меня, – промурлыкала я.

– Вы из кардиологии? – не поняла Маргарита. – У них свой рентгенолог, поднимайтесь наверх.

– Зачем? Ежи Варфоломеевич-то умер!

Рита распахнула еще шире свои огромные глаза.

– Вы от Отрепьева? На частную консультацию?

Не дожидаясь приглашения, я шлепнулась на неудобный, продавленный стул, предназначенный для больных, нагло оперлась о письменный стол и сообщила:

– От Отрепьева, но не на консультацию!

Лицо Риты неожиданно стало бледно-серым.

– А зачем? – тихо спросила она.

– А ты не знаешь? – в тон ей ответила я. – Давно мечтала познакомиться. Я – Ася Бабкина, моя дочь у тебя?

Честно говоря, не знаю, отчего я выпалила эту фразу, но эффект она произвела сильный.

– Да, – забормотала рентгенолог, – конечно, ясно, сейчас, погодите пару минут, мне надо выйти, извините, цистит замучил, я только в туалет – и вернусь!

Не понимая, отчего она так разволновалась, я кивнула.

– Естественно, подожду.

Маргарита Федоровна вскочила и опрометью кинулась в коридор. Ее располневшую фигуру туго обтягивал слишком короткий белый халат, из-под которого виднелась полоса ярко-красной юбки. Ноги Маргариты Федоровны были втиснуты в лаковые черные сапожки. Нещадно ругая больных за распространение бактерий и грязи, сама радательница за чистоту и порядок предпочитала теплую обувь, все-таки в подвале стоял зверский холод. Немудрено, что врач подцепила цистит. Сидит день-деньской в помещении, где свободно гуляет сквозняк. Цистит – очень неприятная болячка. Моя подруга Оля Лапшина ухитрилась заболеть им еще в школе. Ей не хотелось носить рейтузы, и она щеголяла в двадцатиградусный мороз в тоненьких трусиках и чулках. Результатом идиотского поведения и стал цистит. Матери Ольги пришлось

предупредить всех школьных учителей, чтобы они отпускали дочь во время уроков в туалет, а то кое-кто из педагогов решил, что Олька издевается, тянет каждые десять минут руку и ноет:

– Разрешите выйти!

Но даже несмотря на справку от врача, наша математичка злилась и однажды, когда Ольга в очередной раз запросилась в туалет, отрезала:

– Имей в виду, Лапшина, идет четвертная контрольная, снижу отметку всему варианту, если сейчас уйдешь. Я хорошо понимаю, что тебя посылают в библиотеку списать ответы!

Наши учителя разговаривали на странном языке.

– Тараканова, – возмутился один раз химик, ко-гда я влетела на перемене в учительскую, – у тебя глаз нет постучать? Мы заняты!

Так что заявление про «четвертную контрольную» и «снижение отметки варианту» никого не удивило, скорей напугало. Мы знали: математичка будет рада наставить всем двоек, и надеялись, что Ольга сядет на место. Но Лапшина вылетела из класса. Естественно, в журнале появились «лебеди», и народ решил устроить Оле темную.

– Бейте сколько угодно, – со слезами на глазах воскликнула несчастная Лапшина, – я знаю, что виновата! Но терпеть не могу, оставалось только при всех описать. Как накатит, еле до туалета добегаю!

Так что я очень хорошо понимала, отчего Маргарита Федоровна понеслась на крейсерской скорости в коридор! Минуты текли медленно. От скуки я оглядела кабинет и ничего интересного не увидела. Через полчаса начала нервничать. Ну сколько можно сидеть на унитазе? Хотя кто его знает!

Но когда большая стрелка часов, обежав полный круг, вновь остановилась на двенадцати, в душе начала копиться злоба. Похоже, Маргарита меня элементарно обманула. Не захотела разговаривать и ушла, придумав сказку про цистит. Хотя странно: кабинет она не заперла, и сумочка стоит в углу. Вдруг ей стало плохо?

Я вышла из кабинета и пошла по длинному широкому коридору, читая таблички на дверях: «Сестра-хозяйка», «Лаборатория», «Моечная»... Туалет оказался в самом углу, помещение выглядело убого: разбитый кафельный пол, стены выкрашены темно-зеленой масляной краской, в раковине стоит вода и запах соответствующий. А главное, в клозете пусто. Впрочем, в коридоре, по дороге мне тоже не попался ни один человек. Подлая Маргарита Федоровна сбежала! Или она пользуется другим сортиром? Может, не хочет посещать заведение, предназначенное для больных?

Я поднялась на первый этаж и решила поискать туалет, но тут глаза наткнулись на группу людей в белых халатах, замершую у огромного окна. Толпа, состоявшая в основном из женщин, оживленно гудела.

– Ужас-то какой, господи, – повторяла пышнотелая блондинка со старомодной укладкой.

– Чего ее на улицу понесло, – причитала другая тетка, обутая в жуткие вельветовые тапки, – да еще без пальто!

– Небось за блинчиками полетела, – высказала предположение худенькая востроносая девица.

– Там подземный переход!

– Ой, да кто им пользуется, вечно поверху бегаем!

– Кошмар, в двух шагах от работы. И что, сразу насмерть?

– Со второго этажа примчался Геннадий Филиппович, – вздохнула блондинка, – он вроде у окна курил, на его глазах Ритку и сшибло, да ничего уже поделать нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.